

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

А. К. ЧУКОВСКАЯ

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ

ОГИЗ · ГЕОГРАФИЗ · 1948

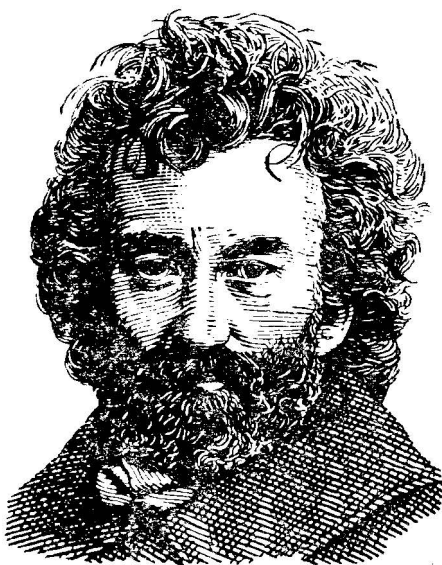
РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Л. К. ЧУКОВСКАЯ

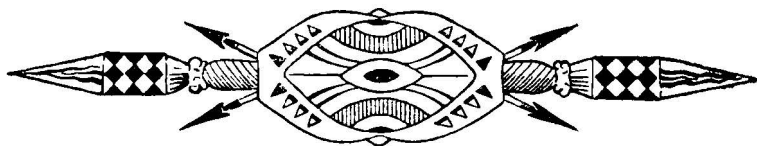
Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ

ОГИЗ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1948

Николай Николаевич
МИКЛУХО-МАКЛАЙ

I

Двадцать первого июля 1872 года в газете «Кронштадтский вестник» появилось сообщение, которое вскоре облетело весь мир. Русские, голландские, австралийские газеты сообщали, что отважный исследователь Новой Гвинеи, Николай Николаевич Миклухо-Маклай, высадившийся в сентябре 1871 года на северо-восточном берегу острова, в бухте «Астролябии» — погиб. Одни высказывали предположение, что он убит и съеден дикарями, другие, — что его свела в могилу злокачественная тропическая лихорадка.

«Было бы очень желательно, чтобы кто-нибудь, из знавших покойного, составил его биографию, — писал «Кронштадтский вестник», — г. Миклухо-Маклай — редкий тип мученика науки, пожертвовавший жизнью для изучения природы».

Русское Географическое общество, членом которого являлся молодой ученый, принялось настойчиво хлопотать о том, чтобы к берегам Новой Гвинеи, на розыски Миклухо-Маклая, немедленно послан был русский корабль.

Адмирал Посьет, командовавший в ту пору тихоокеанской эскадрой, получил от морского министра предписание направить в бухту «Астролябии» паровой клипер «Изумруд». Приказ адмирала застал «Изумруд» в Шанхае, где он грузился углем. Клипер снялся с якоря и через два с половиной месяца, 19 декабря 1872 года, после трудного перехода по неизвестным водам, усеянными коралловыми рифами и банками, приблизился к гористому берегу Новой Гвинеи.

Николай Николаевич Миклухо-Маклай родился в 1846 году; таким образом в то время, когда он высадился

впервые на берегу Новой Гвинеи, ему было всего 23 года. Однако, несмотря на свою молодость, Николай Николаевич уже пользовался известностью в научных кругах России и Западной Европы. Ко времени своего путешествия на Новую Гвинею Миклухо-Маклай был уже автором нескольких ценных работ по зоологии, сравнительной анатомии и морфологии низших животных. В 1868 году директор Зоологического музея Академии наук предоставил ему для определения и исследования коллекции губок Белого моря, Ледовитого океана, Баренцова и Охотского морей, собранные экспедициями академика Бэра, Миддендорфа и Вознесенского. Но изучение материалов, добытых другими исследователями, вовсе не было характерно для молодого ученого: на его счету числилось к тому времени уже немало собственных ценных работ, сделанных на основе собранного им самим материала.

Николай Николаевич юношей был исключен из Петербургского университета, как студент «политически неблагонадежный». Поступать в другие русские университеты ему запретили — и он вынужден был учиться за границей, в Германии. Он слушал лекции по естественным наукам сначала в Гейдельберге, потом в Лейпциге и, наконец, в Иене. В стенах Иенского университета читал в ту пору знаменитый Эрнст Геккель, защитник, проповедник и продолжатель дарвинизма. Труды Эрнста Геккеля, в которых ученый излагал историю развития естественных наук в XIX веке, сделались, по выражению Ленина, «орудием классовой борьбы»¹. Ленин отмечал, что вопреки воле и сознанию автора они были проникнуты духом подлинного естественно-исторического материализма.

Молодой русский естествоиспытатель еще студентом обратил на себя внимание знаменитого профессора; когда же Миклухо-Маклай окончил университет, Геккель оставил его при себе ассистентом. В совместном научном сотрудничестве оба ученых — старый и молодой — совершили несколько путешествий: на остров Мадейру, на Канарские острова и на северные берега Марокко. Основным предметом исследований Николая Николаевича служила анатомия губок и морфология мозга хрящевых рыб. В 1867 году он, вместе с доктором Дорном, ездил в Мессину и там продолжал свои исследования. А в 1868 году им было совершено первое из

¹ В. И. Ленин. Собрание сочинений, изд. 4, т. XIV, стр. 334.

его крупных и вполне самостоятельных путешествий: он отправился на берега Красного моря.

Докладывая впоследствии, 23 сентября 1869 года, на одном из заседаний Русского Географического общества об этом путешествии, Миклухо-Маклай рассказал, что путешествие, совершенное им, «не было особенно легким; покидая Европу, я не ожидал встретить таких трудностей, какие мне пришлось встретить». Скорбут, лихорадка, тропический зной, недоброжелательство фанатиков-мусульман к европейцам — вот о каких трудностях говорил ученый. Несмотря на то, что он обрил голову и выкрасил себе лицо, что в одежде и даже в совершении религиозных обрядов он неукоснительно подражал «правоверным», — «они частенько заставляли меня бояться за свою жизнь», — признавался Маклай.

Тем не менее исследования, ради которых ученый рисковал жизнью, были им успешно закончены. В 1869 и в 1870 годах в печати появились две большие статьи Миклухо-Маклая — о губках и о различных видах рыб. Труд, посвященный хрящевым рыбам, в котором проводился новый в то время взгляд на морфологическое значение частей головного мозга, не утратил научной ценности и до настоящего времени.

Однако, хотя работы Миклухо-Маклая в области сравнительной анатомии были глубоки и серьезны, хотя путешествие к берегам Красного моря и доказало его способность пренебрегать опасностями, но не эти работы и не это путешествие, а именно путешествие на Новую Гвинею приковало к Миклухо-Маклаю внимание ученых России, Западной Европы, Австралии.

Миклухо-Маклай по образованию своему был естествовед, по специальности — зоолог, исследователь низших организмов. Но его путешествие на Новую Гвинею, по характеру осуществленных им научных работ не было путешествием только естествоведа, только зоолога, ботаника или анатома, хотя он и поставил перед собой целый ряд зоологических, сравнительно-анатомических и ботанических задач. Интерес, какой вызвало среди современников путешествие Миклухо-Маклая на берега бухты «Астролябии», то волнение, какое испытывали многие, даже далекие от науки люди при известии о его предполагаемой гибели, вызвано было не только анатомическими его изысканиями, как бы ни были они существенны для дальнейшего развития

дарвиновской теории эволюции. Миклухо-Маклай отправился в бухту «Астролябии» не только как зоолог, или ботаник, или географ, но и как антрополог, а в антропологии его занимал основной вопрос, придававший экспедиции на Новую Гвинею широкий общественный интерес.

«Время, я уверен, докажет, что при выборе моей главной задачи я был прав, — писал впоследствии Миклухо-Маклай, — я считаю вопросы зоогеографии этой местности весьма интересными... и все-таки я почел за более важное: обратить мое внимание на... житье-бытье папуасов, полагая, что эти фазы жизни этой части человечества при некоторых новых условиях (которые могут явиться каждый день) весьма скоро переходящи...».

Что же это была за «главная задача», ради решения которой Миклухо-Маклай отправился на Новую Гвинею и там, отодвинув на задний план вопросы своей прямой специальности, занялся изучением «житья-бытья» папуасов?

II

Летом 1869 года, то-есть как раз в ту пору, когда Миклухо-Маклай задумал свое путешествие, в «Отечественных записках», — передовом русском журнале, выходившем под редакцией Салтыкова-Щедрина, Некрасова и Елисеева, — была напечатана (без подписи) статья «Цивилизация и дикие племена». На первый взгляд намерения у автора были самые скромные: пересказать те ученые споры, которые велись в антропологических обществах Парижа и Лондона в конце шестидесятых годов. Но в действительности смысл статьи был глубже: журнал рассказывал русскому читателю о тех насилиях, которые чинят над мирными народами правительства стран, именующих себя передовыми. Путешественники, посещавшие в шестидесятых годах острова Тихого океана, отмечали, что «туземное население Полинезии постоянно вымирает в тех местностях, где поселились европейцы даже в небольшом числе». Пересказывая ученые споры о причинах этого явления, автор статьи, кроме многочисленных фактов насилия над народами Полинезии, приводит факты чудовищной расправы американцев с индейцами, англичан с австралийцами и заканчивает статью восклицанием: «это — позор для восхваляемой цивилизации». «В Калифорнии, в долине Немекул, — сообщает русский журналист, — зимой 1858/59 года было умерщвлено более 150

индейцев с женами и детьми; среди белого дня убивали безоружных людей и женщин с грудными детьми на руках».

«В Техасе белые постоянно силой вторгаются во владения индейцев, захватывают их лучшие земли, стреляют их дичь, поят их водкой, выманивают у них хитростью и обманом ценности, увозят их жен... Рано или поздно индейцы решаются отомстить и убивают какого-нибудь белого. Тогда... составляется вооруженный отряд... жжет индейские деревни, уничтожает маис и стада, убивает всех, не исключая женщин и детей».

Характеризуя научные споры французских и английских антропологов, автор статьи сообщает, что ученые поставили вопрос о причинах вымирания даже тех туземных племен, которых щадили пули завоевателей, и нашли эту причину в «неспособности диких племен к цивилизации». По мнению многих западноевропейских ученых «не все расы имеют способность совершенствоваться», и вот в чем причина, что, соприкасаясь с цивилизованными народами, туземные племена тихоокеанских островов и Калифорнии начинают вымирать. Таким образом, спор о причинах вымирания туземцев в тех местностях, куда вторглись колонизаторы, быстро превратился в прения о том, какая из «нижних рас» «ниже» и менее всех «способна к развитию»: эскимосы ли, которые, якобы, могут научиться считать только до двух, или племена Австралии, где туземные женщины «отличаются особенным безобразием»? Рамо утверждал, что к племенам, неспособным развиваться, следует причислить, в первую очередь, австралийцев, а Брока, что к ним, без сомнения, принадлежат «племена Канады»..

«В то время, — пишет в одной из своих работ советский ученый А. Б. Пиотровский, — велась ожесточенная борьба между «моногонистами», утверждавшими, что все человеческие расы произошли от одного ствола, и «полигенистами», которые пытались доказать, что человеческие расы произошли от нескольких, независимых друг от друга стволов. Белый человек и черный человек, — утверждали полигенисты, — представляют две различные породы, настолько же несхожие между собой, как сова и орел.

Отсюда полигенисты делали вывод, что человеческие расы неравноценны: одни люди — белые — самой природой, якобы, предназначены для господства; другие — «цветные» — неспособны развиваться и обречены на подчинение».

Из ученых того времени последователем теории единства происхождения человеческого рода был русский академик Бэр. Он утверждал, что все доказательства противников этой теории опираются на непроверенный материал, что для подлинно научного решения вопроса необходимо всесторонне изучить людей различных рас — от цивилизованных европейцев до малокультурных жителей тропических стран.

«Является желательным, можно даже сказать, необходимым для науки, изучить обитателей Новой Гвинеи», — писал Бэр в одной из своих статей.

Вот что стало для Миклухо-Маклая «главной задачей». Он отправился на Новую Гвинею не столько для собирания зоологических коллекций, сколько для изучения папуасов. Он избрал Новую Гвинею местом своих многолетних исследований потому, что этот остров был населен первобытным племенем, изучение которого могло дать ответ на центральный вопрос, поставленный антропологией; собранный на Новой Гвинее материал должен был, по мысли Маклая, подтвердить учение моногенистов. Маклай понимал, что надо торопиться: если европейские колонизаторы явятся на Новую Гвинею — папуасам не сдобровать. Тогда поздно будет изучать вопрос «способны» они или «неспособны» к развитию...

В семидесятых годах XIX века капиталистические державы в поисках рынков сбыта и рынков сырья неустанно захватывали новые и новые острова, новые и новые области на материках. «С 1876 по 1914 гг., — пишет В. И. Ленин, — шесть «великих» держав награбили 25 миллионов кв. километров, т.-е. пространство в $2\frac{1}{2}$ раза больше всей Европы! Шесть держав поработают свыше полу-миллиарда (523 миллиона) населения в колониях... И всем известно, что колонии завоеваны огнем и мечом, что в колониях зверски обращаются с населением, что его эксплуатируют тысячами способов...»¹

Миклухо-Маклай понимал: день, когда племена Новой Гвинеи столкнутся с европейцами — близок.

Накануне путешествия молодой ученый огласил в Географическом обществе программу предполагаемых работ. Отправляясь на берег далекого ново-гвинейского залива, где до него не побывал еще ни один европеец, Миклухо-

¹ В. И. Ленин. 3-е изд. т. XVIII, стр. 196.

Маклай сделал все, чтобы его экспедиция, — хотя он и был ее единственным деятелем, хотя средства на нее были отпущены скудные, — принесла науке наибольшую пользу. Программа, намеченная им, удивительна широтою охвата. Задачей своих зоологических исследований на Новой Гвинее Миклухо-Маклай поставил: «проследить изменение и зависимость животных организмов от различных местных факторов природы, а потом анатомию и историю развития этих организмов». Прежде, чем отправляться в экспедицию, Миклухо-Маклай изучил пожелания Чарльза Дарвина, которыми великий ученый снабдил одну из европейских экспедиций в Восточную Азию и Южную Америку; затем он обратился к крупнейшим из русских и европейских ученых с просьбой сообщить ему, какие именно научные проблемы стоят на очереди в их специальной области знания и какие наблюдения он должен производить на Новой Гвинее, чтобы способствовать решению этих проблем. По разделу политической экономии программа Миклухо-Маклая включала 55 пунктов, предложенных замечательным русским географом и путешественником, председателем Отдела физической географии Русского Географического общества, П. П. Семеновым; по антропологии — задания русского академика Бэра, автора ценного исследования о папуасах, и пожелания поборника дарвинизма, профессора Геккеля...

Географическое общество выхлопотало для молодого ученого разрешение отправиться в Тихий океан на борту корвета «Витязь» — русского военного судна, входящего в состав тихоокеанской эскадры. Миклухо-Маклай отправлялся в свою экспедицию снабженный всего только тысячей рублями, выданными ему из средств Географического общества на покупку необходимых приборов и инструментов, — но зато во всеоружии современного знания, взволнованный самыми насущными проблемами современной науки...

И вдруг, в июле 1872 года, через полтора года после отплытия, известие, подхваченное всеми газетами мира: от-
важный ученый погиб!

* *
*

...С тревогой приближались моряки «Изумруда» к берегам неизвестной страны. На борту клипера находился лейтенант Ракович, совершивший год назад плавание на корвете «Витязь» и теперь переведенный распоряжением

морского ведомства на «Изумруд», как опытный моряк, который уже побывал в этих водах и хорошо знал обстоятельства, связанные с высадкою Маклая на ново-гвинейском берегу. Он знал, на каком мыске выстроена была матросами «Витязя» хижина для ученого и двоих его слуг; знал, под каким деревом следует искать бумаги Миклухо-Маклая, если за свою отвагу ему действительно пришлось поплатиться жизнью.

19 декабря 1872 года «Изумруд» достиг бухты «Астролябии». Моряки теснились у бортов с биноклями в руках. Лейтенант Ракович вглядывался в знакомые очертания берега. Густые облака лежали на вершинах гор, лес на склонах гор был таким густым, что казался не зеленым, а черным; зато берег покрыт был зеленью — яркой, сверкающей. Плотные зеленые занавеси лиан висели на огромных деревьях. С попутным ветром «Изумруд» быстро подвигался вперед среди плоских и низких островков.

Вот и та бухточка, где пятнадцать месяцев назад бросил якорь корвет «Витязь», вот и мысок Гарагаси, где матросы «Витязя» построили хижину для Миклухо-Маклая.

«Большинство уже давно исключило Маклая из списка живых, — вспоминал впоследствии Ракович. — Тем не менее, мы все были взволнованы и ждали чего-то необыкновенного. Находясь в трех или четырех милях от берега, мы направили все трубы и бинокли на берег... Наконец, один из офицеров заметил русский флаг, развевающийся между ветвями громадных деревьев, и пришел в такое волнение, что едва мог сообщить об этом командиру.

Клипер прибавил ход, и мы увидели дом; увидели, как отвалили от берега две пироги и понеслись к нам навстречу. Постепенно сближаясь, мы различили какого-то европейца, который вскоре ко всеобщей радости оказался мнимоумершим Маклаем.

Сцена встречи была самая торжественная... Разукрашенные оружием и головными уборами, туземцы чинно сидели на своих местах в пироге; а между ними на возвышении помещался худой и обросший Маклай. Когда он поднялся на клипер, рукопожатиям, поздравлениям и вопросам не было конца. За время пятнадцатимесячного отшельничества Маклай сильно изменился от приступов лихорадки, всякого рода лишений и трудных работ. Во фланелевой рубашке, в гамашах, с кинжалом за поясом, с сумкой через плечо, он был настоящим Робинзоном Крузо».

III

К удивлению и радости русских моряков оказалось, что путешественник невредим и не только не нуждается в защите от папуасов, но эти «дикие» люди искренне почитают его и желали бы никогда не расставаться с ним. Сам же Миклухо-Маклай так увлечен своими исследованиями, что, несмотря на болезнь, изнуряющую его, колеблется: уехать ему на «Изумруде» или остаться среди папуасов и продолжать свое дело?

«Я не заметил, — писал в своем донесении в морское министерство командир клипера «Изумруд», Михаил Николаевич Кумани, — чтобы Миклухо-Маклай особенно обрадовался прибытию вверенного мне клипера. По крайней мере в начале нашей беседы он объявил, что очень колеблется в разрешении вопроса: воспользоваться ли ему прибытием клипера для перемены места или остаться еще на неопределенное время в заливе «Астролябии»...»

Что же так увлекало ученого в его работах на Новой Гвинее? Что заставляло его колебаться — уезжать или нет? Каковы были результаты пятнадцатимесячного пребывания на берегу бухты «Астролябии»?

Окружающий мир, невиданный еще никем из европейцев, только что принятый Маклаем под высокую руку науки, требовал распознавания и учета. «Программа», составленная для Миклухи учеными, побледнела, отступила на задний план перед захватывающим интересом действительности. В этой новой действительности все следовало рассмотреть, описать, сохранить. Ни один листик величавых деревьев панданусов, стоящих как бы на подпорках на дугообразных воздушных корнях, не должен был пропасть для ботаника, ни одна мерцающая в черноте ночного океана медуза — для зоолога, ни одна песня, слетевшая с губ папуасов — для этнографа. Нужно было измерять температуру почвы и температуру воды, измерять высоту гор, препарировать птиц, определять виды растений, собирать утварь, волосы, украшения и оружие туземцев; нужно было как можно пристальнее взглянуть в первобытного человека, изучить его обычаи и нравы. А для того, чтобы осуществить всю эту огромную программу, необходимо было, прежде всего, добиться полного доверия туземцев.

Результаты географических, ботанических и зоологических исследований на Новой Гвинее Миклухо-Маклай

излагал в своих письмах в Географическое общество и в научных статьях, опубликованных в русских и иностранных журналах. В этих работах он первый дал подробное описание климата, растительности, животного мира северо-восточного берега Новой Гвинеи. Из статей и писем Миклухо-Маклая, из его доклада, прочитанного в Географическом обществе, наука многое узнала о природных условиях района.

Вдоль берега тянутся цепи гор — Финистерре и Эртцен, прерываемые на юго-западе низменностью. Горы покрыты густой растительностью до самых вершин и пересечены во многих местах поперечными долинами.

В залив впадают многочисленные реки, но из них судоходна одна только река Гогол.

Климат побережья сырой, жаркий. Средняя температура года 26°. Самый жаркий месяц — февраль, самый прохладный — август.

Дожди в заливе «Астролябии» часты и сильны. Самый дождливый период — с ноября по май.

Растительность по характеру близка к индо-малайской, лишь с небольшой примесью австралийских форм. Среди деревьев много пальм; саговая и арековая пальмы — дикорастущие, а кокосовая пальма культивируется. Сильно распространен панданус; из листьев пандануса папуасы искусно плетут плотные циновки. Прогалины в лесу поросли густой, выше человеческого роста, травой. На западном берегу тянется узкая и короткая полоса мангровых зарослей.

Фауна бедна млекопитающими. На берегах бухты «Астролябии» встречаются: кабан, кенгуру, кускус, много сумчатых, крысы, мыши и летучие мыши, а из морских млекопитающих — дюгонь. Птиц в лесах залива «Астролябии» множество — около двухсот видов: казуар, гарпия, райские птицы, попугаи, венценосные голуби. Змеи представлены многими видами и среди них встречаются очень ядовитые. Из гигантских змей самая распространенная — аметистовый пифон. На морском берегу водятся крокодилы.

Но кроме наблюдений над климатом и животными, Миклухо-Маклай вывез с Новой Гвинеи еще одну великую ценность: наблюдения над папуасами. Заключены они главным образом в дневнике. Дневнику посчастливилось меньше, чем статьям и докладам: он пролежал неопубликованным свыше полу столетия. А между тем, дневник этот — живая повесть о том, как была завоевана русским ученым дружба

далекого темнокожего племени. Подробно и обстоятельно рассказывает Миклухо-Маклай в дневнике о нравах и обычаях обитателей острова, о том, как папуасы охотятся, как обучают детей, как обрабатывают землю, как строят пироги, как выделывают материю из коры. Дневник Миклухо-Маклая дает нам в руки как бы фотографический снимок, как бы правдивый и точный портрет первобытного племени, сделанный без искажений и прикрас. Этот портрет тем более драгоценен для науки, что первобытных племен, никогда не общавшихся с народами более высокой культуры, в мире уже почти не осталось, а с ними вместе исчезает непосредственная возможность наблюдать раннюю стадию развития человеческого общества, через которую когда-то прошли все народы.

Но дневник Миклухо-Маклая — это не только портрет малоизученного племени; в известном смысле — это и автопортрет. Строка за строкой, страница за страницей, — и постепенно сквозь эти строки, в которых на первый взгляд так мало говорится об авторе, проступает, быть может помимо его собственной воли, рядом с лицами папуасов, на фоне гор, кокосовых пальм и океана, другое лицо: облик удивительного, необычайного человека, портрет его самого, Маклая, — ученого, просветителя, гуманиста.

IV

Первое, что поражает в дневнике Миклухо-Маклая, — это та уважительность, которой проникнуты его суждения о туземцах. Сколько раз называет он лица папуасов добрыми, мягкими, умными, как искренне любит гибкостью, стройностью, ловкостью движений туземцев, как радуется их честности, их понятливости, их смывшенности! Если же что-нибудь и удивляет его неприятно в обычаях и нравах папуасов, он не спешит высмеять и осудить чужой обычай с точки зрения самодовольной морали европейского обывателя, а, как и подобает ученому, пытается понять его и объяснить исторически; даже людоедству, вызывающему в нем отвращение, он находит причину. Для него папуасы Новой Гвинеи, которых, рискуя собственной жизнью, он пришел изучать, не подопытные кролики и не рыбы, а прежде всего, люди, такие же люди, каких он видел повсюду, только во много раз интереснее других. В общении с туземцами он

требует от себя такой же справедливости и деликатности, как в общении с любыми другими людьми.

1 октября 1871 года, через несколько дней после ухода корвета, Миклухо-Маклай впервые пришел в деревню к своим «соседям» — как называл он обычно папуасов — и убедился воочию, что «соседи» вовсе не рады его посещению. Всюду угрюмые, хмурые лица. Принимая незваного гостя, туземцы схватились за копья, и ученый нашел этот жест, хотя и неприятным, но совершенно естественным: ведь это их край, их деревня, их лес, они не приглашали к себе Миклухо-Маклая.

«Мне самому как-то стало неловко, — записывает Маклай в дневнике, — зачем прихожу я стеснять этих людей?»

С уверенностью можно сказать, что Стэнли, неизменно именовавший в своих записках негров Африки бесчестными, жестокими, трусливыми, жадными, никогда не испытывал подобной неловкости.

Папуасы залива «Астролябии» были людьми каменного века, Миклухо-Маклай — одним из передовых ученых современной цивилизации. Но ученый не склонен был презирать папуаса на том основании, что тот рубит дерево неуклюжим каменным топором, ест не ложкой, а какой-то там раковиной, не знает сохи и плуга и размельчает землю чуть ли не голыми руками. Напротив того: в своем дневнике он с восхищением отзывается о трудолюбии людей, которые добились великолепной обработки земли, вопреки скудости и примитивности своих земледельческих орудий, которые умеют простой костью выполнить сложный художественный орнамент и резать костью мясо не хуже чем стальным ножом. Просвещенный ученый не погнушался вымазать себе лоб черной краской на папуасский манер — в знак траура по одной из туземных женщин, желая этим выразить свое соболезнование мужу покойной; и до тех пор, пока он не заслужил полного доверия папуасов и они сами не захотели познакомиться с ним своих жен, дочерей и сестер, он издали предупреждал о своем приближении свистом: пусть женщины прячутся, если таков их обычай. Его деликатность хочется назвать чеховской, — настолько она высокой пробы. Но рядом с деликатностью и добротой, заставлявшей Миклухо-Маклая, больного, страдающего от лихорадки и от ран на ногах, спешить через непроходимый лес в деревню на помощь к какому-нибудь из туземных больных, рядом с чертами мягкости, доброты, деликатности, дневник Миклухо-

Маклая открывает в авторе еще одну черту — бесстрашие в буквальном смысле этого слова: то-есть совершенное отсутствие страха. В сочетании с мягкостью и добротой эта черта поражает. Ему говорят, что будущие соседи его — людоеды, что они коварны, хитры, жестоки и ненавидят белых. Заботливый капитан корабля настоятельно советует ему воспользоваться вооруженной охраной. Но вот корвет отплыл, скрылся за горизонтом. Миклухо-Маклай один отправляется в папуасскую деревню. Он знает, что положение его и в самом деле опасное, что действительно на этом острове он может погибнуть. Недаром накануне ухода «Витязя» он показал морякам то дерево, под которым он зароет весь собранный им научный материал, если почувствует, что ему «не уцелеть». И тем не менее, отправляясь в туземную деревню, он не берет с собой ни ружья, ни револьвера: одну только записную книжку и карандаш. Туземцы недружелюбно встречают незваного гостя. Несколько стрел пролетело возле его головы. Чем же он ответил на стрелы? Папуасского языка тогда он еще не знал. Как объяснить этим людям свои добрые намерения? Путешественник расстилает на земле циновку и среди вооруженных людей, которые только что угрожали ему смертью, ложится спать. «Я вас не боюсь; я пришел к вам безоружный и верю, что и вы не обидите меня», — вот что сказал он этим простым поступком. Поступок беспримерный по находчивости и мужеству. Самое же удивительное то, что Миклухо-Маклай не только решился лечь спать среди людей, которые минуту назад целились в него, но и заснул! «Я проспал два часа с лишним», — записывает он в дневнике. Для этого двухчасового сна нужно было не только быть усталым, на что, со свойственной ему скромностью, ссылается он сам, но и совершенно не испытывать страха, о чем он умалчивает.

Обо всем, что случалось с ним в бухте «Астролябии», Миклухо-Маклай повествует таким ровным, спокойным тоном, что читателю поневоле начинает казаться, будто и в самом деле в его жизни на Новой Гвинее не было решительно ничего особенного. Гулял по лесу, видел большие грибы; пошел в папуасскую деревню, где его хотели убить и не шевельнулся, когда увидел копья, направленные ему в грудь; опять бродил по лесу, видел птицу орлана; заболел тропической лихорадкой и во время смертельного припадка не в силах был поднести ко рту ложку с лекарством, но трижды в день выползал на четвереньках на веранду, чтобы

записать метеорологические наблюдения; выздоровев, бродил по лесу, а потом сам варил себе бобы, потому что один слуга его, Бой, умер от перитонита, а другой, Ульсон, ленив и постоянно притворяется больным, чтобы избавиться от домашней работы... Все это рассказано спокойно, безо всяких восклицательных знаков и пауз, даже чуть-чуть монотонно: о бобах тем же голосом, что и о копьях.

Всякое, не только возвышенное, но и сколько-нибудь приподнятое, громкое слово было органически чуждо Маклаю, и слов «долг ученого» мы не встретим у него в дневнике, точно так же, как не встретим слова «мужество» или «храбрость».

Однако каждому, кто задумается над жизненным путем этого человека, кто взглянет на него со стороны, станет ясно, что, хотя он нигде не упоминает о долге ученого, самое высокое представление об этом долге было присуще ему; и хотя он нигде не говорит об обязанностях цивилизованного европейца перед людьми, стоящими на низкой ступени развития, тем не менее он всегда исполнял их.

Прежде всего он стал просветителем племени, среди которого поселился. Он подарил туземцам семена полезных растений, он научил их пользоваться орудиями из металла и неустанно, собственным своим поведением, показывал им пример справедливости и уважения к человеческому достоинству. Он описывает у себя в дневнике, как однажды, в деревне он заметил в папуасской хижине «кускуса» — животное, которого еще никогда не видал. Ученому захотелось унести кускуса к себе и исследовать. Он предложил в обмен на кускуса нож. «Но дети Горенду будут плакать, если им не дадут отведать мяса», — в смущении объяснили ему туземцы.

«Я знал очень хорошо, — читаем мы в дневнике, — что, если я возьму животное и унесу его домой, никто из жителей Горенду не посмеет воспротивиться этому, но мне не хотелось поступить несправедливо и силой завладеть чужой собственностью».

Рассуждение скромное и, казалось бы, высказано оно по самому незначительному поводу. Будут ли плакать дети в невзрачной папуасской деревушке, о которой в цивилизованном мире никто никогда не слышал, чье неблагозвучное для европейского уха название не найдешь ни на одной географической карте, или они отведают желанного блюда — не все ли равно? Однако в этом скромном рассуждении сказа-

лись глубокие мысли ученого о существе ответственного слова «культура». В самом деле: если стоит тебе только оказаться в неизвестных широтах и ты утрачиваешь чувство справедливости, если ты теряешь уважение к человеческому достоинству только от того, что перед тобою человек с другим цветом кожи, — грош цена твоей культуре, во имя которой ты совершаешь свои великолепные научные подвиги: мнимым оказывается ее хваленое превосходство. Но Миклухо-Маклай был представителем подлинно великой культуры — той, которую создали поколения передовых русских людей. Им была подхвачена, усвоена и развита традиция лучших из русских мореплавателей, а эта традиция была требовательна. Читая записки русских моряков-ученых об их кругосветных плаваниях — записки Крузенштерна, Головнина, Лисянского, Литке, — дивишься их бережному, уважительному отношению к туземцам. Насколько нужно было опередить свое время, чтобы, воспитавшись в условиях царской крепостнической России, уметь уважать и щадить беспомощных и всеми презираемых «дикарей!» Русские мореплаватели, совершавшие кругосветные путешествия в начале XIX века, явились не только открывателями многих тихоокеанских островов, не только положили своими наблюдениями над температурой и плотностью воды на разных глубинах, над проливами и отливами, начало новой науке, океанографии, но были одними из первых этнографов, изучавших первобытные племена тихоокеанских островов. Из своих плаваний они привозили обширные коллекции утвари, оружия, одежды. Многие страницы знаменитых записок Крузенштерна, Головнина, Литке посвящены описанию хозяйства, семейных, имущественных, общественных отношений первобытных племен. И многие из этих страниц могут считаться прародками дневника Маклая. Головнин и Крузенштерн сто лет назад, в записках о своих путешествиях, объясняли вражду первобытных племен к колонизаторам не «кровожадностью» и не «врожденною злостью», а неправыми притязаниями пришельцев. Лисянский, описывая жителей острова Нукагива, восхищался красотой их облика. «Здесь жители собою весьма статны и красивы, — пишет он, — особенно мужчины, кои ростом и чертами лица не уступают никакому европейскому народу».

Военный шлюп «Сенявин», на котором Литке совершил свое кругосветное плавание, приблизился 4 января 1828 года к неизвестному острову. На поиски удобной

якорной стоянки с корабля были спущены шлюпки. Туземцы, выехавшие в своих пирогах навстречу шлюпкам, вели себя угрожающе: хватались за борта, закидывали веревки на руль, уключины и весла. Моряжи дали несколько холостых выстрелов в воздух, но туземцы не отступали. Тогда Литке приказал прекратить промер глубины, повернуть, не искать здесь стоянки. Шлюп двинулся дальше. В описании путешествия, Литке рассказывает об этом случае так:

«Конечно, мы могли бы держать дикарей в почтительном от нас расстоянии. Для сего оставалось одно средство — дать им почувствовать силу нашего огнестрельного оружия. Но средство сие почитал я слишком жестоким и готов был лучше отказаться от удовольствия ступить на открытую нами землю, нежели купить это удовольствие ценою крови».

«Сенявинцы», во главе со своим командиром, были храбрыми моряками, испытанными в боях и штормах. Но они умели уважать чужую землю и ее обитателей, беззащитных перед пушками и ружьями.

V

Каков же был результат научных исследований, производимых Маклаем?

На основании собранного им материала, историк может точно определить стадию развития, на которой находились папуасы бухты «Астролябии». Каждая папуасская деревня говорила на своем диалекте; Миклухо-Маклай не сразу и не вполне овладел ими, и это сильно мешало ему проникнуть в сущность социального уклада папуасского общества. Кроме того, сама наука в этой области была еще довольно беспомощной; книга Моргана «Древнее общество» появилась только в 1877 году, а книга Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в которой он дал исчерпывающий анализ основных исторических черт общественного строя в так называемые периоды дикости и варварства, — в 1884 году. Ключа к пониманию структуры первобытного общества не было еще в руках у науки в начале 70-х гг. Но статьи Миклухо-Маклая, в которых он описывал собранный им материал, предвосхищали более поздние выводы ученых теоретиков. Благодаря этому материалу ученые могли установить, что производство и потребление носили у папуасов коллективный характер, что у них не было торговли, что единственное известное им разделение труда, —

это разделение по полу и возрасту, что основной единицей их общества являлся род, что их общество было первобытно-коммунистическим. Маклай первый дал подробную характеристику материальной культуры папуасов залива «Астробилии». И самое главное: описав физический тип папуасов Новой Гвинеи, он опроверг распространенное в науке того времени мнение, будто папуасам присущи какие-то особые свойства — свойства «низших» рас. Было принято думать, что волосы у папуасов растут как-то особенно, «пучками». «Нет; растут совершенно так, как у европейцев», — констатировал после длительных работ Миклухо-Маклай. Ученые утверждали, будто кожа у папуасов тоже особенная: жесткая. «Нет; кожа гладкая и ничем не отличается от кожи европейцев», — заключил Миклухо-Маклай.

И не отдельные записи, а весь его дневник является опровержением клеветы, возведенной на темнокожие племена.

Из дневника Миклухо-Маклая читатель неминуемо делает вывод: совсем не «кровожадные» и «коварные», а такие же люди, как везде. Дневник Миклухо-Маклая служил и служит делу разоблачения теорий «полигенистов», прикрывающих хищничество империалистических держав; служил и служит делу разоблачения расистских теорий, созданных на потребу фашизма.

Интересно отметить, что уже тогда, в семидесятых годах прошлого века, за много десятилетий до возникновения фашизма, Миклухо-Маклай предугадывал, что найдутся люди, которые, поработив и истребив «цветные» народы, начнут проповедовать подчинение одних белых народов другим, таким же белым, под тем предлогом, будто и среди белых имеются «полноценные» и «неполноценные»; одни, якобы, самой природой предназначены для господства, другие — для рабства..

...«тем, кто извиняет истребление темных рас, — писал он в конце семидесятых годов, — логично идти далее... и в самой белой расе начать отбор всех, кто не подходит к идеалу «единственно избранной расы»

VI

21 декабря 1872 года Миклухо-Маклай перебрался на борт «Изумруда». Туземцы Горенду, Бонгу, Гумбу, провожая друга, еще и еще раз требовали, чтобы он обещал им

вернуться, и он повторял: «я вернусь». Когда клипер стал подвигаться вперед, Маклай услышал с берега звуки туземного барабана «барума», столько раз доносившиеся до его хижины из папуасских деревень в дни торжеств и горестей. Теперь папуасы посылали ему свой прощальный привет.

Мать Николая Николаевича, Екатерина Семеновна, умоляла сына хоть ненадолго вернуться домой, отдохнуть и поправиться после стольких трудов и опасностей. Но отдыхать, не добившись намеченной цели, было не в характере Маклая.

«Мне удалось многое по разным отраслям науки, — отвечал он матери, — не говоря уже о счастье, доставшемся мне на долю: жить среди самого первобытного из человеческих племен и наблюдать его; до меня никто не был в этом месте Новой Гвинее, и папуасы воображали себя единственными жителями земного шара...

...Но неужели вы захотели бы, чтобы я бросил начатое, чтобы оправдалось мнение многих: «русский человек хорошо начинает, но у него нехватает выдержанности, чтобы хорошо кончить»? Я здоров и готов на все, что потребуется для новых путешествий и исследований».

В этом письме к матери еще раз проявились черты упорства и настойчивости Миклухо-Маклая, преданность тому делу, которое стало делом его жизни. Повидимому, черты эти в высокой степени свойственны были не только Николаю Николаевичу, но и другим членам семьи Миклухи. Читая гордые и скромные строки письма, Екатерина Семеновна узнавала в этой неколебимой твердости характер мужа, характер другого сына.

Об отце Николая Николаевича известно немного: в пятидесятых годах Николай Ильич Миклухо, небогатый дворянин, родом с Украины, инженер-путеец, руководил строительством одного из участков железной дороги Петербург — Москва и, как железнодорожный деятель, заслужил репутацию человека неподкупной честности, требовательного к себе, справедливого к подчиненным. Больше, чем об отце, известно о брате Николая Николаевича, Владимире, морском офицере: в историю русского флота имя его вписано как имя героя. Он был командиром броненосца «Адмирал Ушаков»; 15 мая 1904 года его настигли два японских крейсера, приближаясь к «Ушакову», японцы подняли сигнал: «Советую вам сдать ваш корабль». «Продолжения разбирать нечего, — сказал Владимир Миклухо, — долой ответ,

открывайте огонь!» После получасового боя, когда вся артиллерия судна была разбита противником, Владимир Николаевич приказал команде потопить «Ушакова» и броситься в воду. Японцы подплыли к нему на спасательной шлюпке, но он указал им на тонущего возле матроса и, не пожалевав занять место в шлюпке, погиб. Это — тот же Маклай, спешащий на помощь больному, несмотря на собственную болезнь, Маклай, продолжающий научные измерения, когда жар валит с ног. Повидимому, братьям, Николаю и Владимиру, встречавшимся друг с другом нечасто, так как оба они постоянно находились в дальних плаваниях, присущи были, несмотря на разницу лет и профессий, общие представления о долге и мужестве.

В конце пребывания в Гарагаси Николаю Николаевичу стала ясна программа дальнейших исследований. Он задумал изучить все разновидности папуасских племен. А раз он задумал что-нибудь — он уже не мог отказаться от исполнения задуманного.

«Мне представлялось необходимым, — писал он, — во-первых, познакомиться с папуасами других частей Новой Гвинеи для сравнения их с изученными жителями Берега Маклая, во-вторых, сравнить папуасов Новой Гвинеи с обитателями других островов Меланезии, в-третьих, выяснить отношение папуасов к негритосам Филиппинских островов, доказать наличие или отсутствие курчавоволосой расы на Малаккском полуострове и в том случае, если курчавоволосые племена действительно будут там обнаружены, сравнить их представителей с остальными меланезийцами».

Выполнять намеченную программу Миклухо-Маклай начал уже во время плавания на «Изумруде». Клипер направился в Гонконг, останавливаясь по дороге на Молуккских и Филиппинских островах. В Маниле, на острове Лусон, клипер должен был простоять пять дней, и Миклухо-Маклай воспользовался этими днями, чтобы посетить становище первобытных обитателей острова — «маленьких негров» — негритосов. Можно ли считать, что негритосы, по расовой своей принадлежности, те же папуасы? — вот вопрос, поставленный перед Миклухо-Маклаем академиком Бэрм, на который молодой ученый и попытался дать ответ.

Переплыв на туземной рыбацкой пироге широкий Манильский залив, путешественник вместе с проводником отправился в горы и скоро наткнулся на «переносную деревеньку» кочевников. Жили они в шалашах, сделанных из

пальмовых листьев; в этих легоньких жилищах можно лежать или сидеть, но нельзя встать и выпрямиться. Негритосы приняли путешественника очень радушно и в четверть часа соорудили для него такой же шалаш — в сущности, просто переносный заслон из листьев, защищающий от ветра и холода.

«Первого взгляда на негритосов мне было достаточно, — писал Миклухо-Маклай академику Бэру, — чтобы признать их за одно племя с папуасами, которых я видел на островах Тихого океана и с которыми я прожил пятнадцать месяцев на Новой Гвинее».

Путешественник разыскал черепа негритосов, зарисовал наиболее характерные лица и тщательно записал те обычаи, о которых успел разузнать.

Из Манилы «Изумруд» направился в Гонконг. Здесь Миклухо-Маклай покинул клипер и на пассажирском пароходе проскакал в Сингапур, а оттуда в Батавию на Яве. Тут он собирался было прожить подольше, чтобы обработать материал, собранный им на Новой Гвинее. Но сырой, нездоровый климат заставил его перебраться из Батавии в горный городок Бейтензорге. В горах он отдохнул, поправился, написал несколько научных статей о папуасах и начал готовиться к своему второму путешествию на Новую Гвинею, но уже не на северо-восточный берег, а на юго-западный — на берег Папуа-Ковнай, расположенный в голландских владениях. Эту часть Новой Гвинеи торговые суда посещали редко, и она осталась почти неисследованной. Потому-то путешественник и решил посетить ее.

«О жителях Папуа-Ковнай ходили между малайцами самые ужасные рассказы, — пишет он, — их считали людоедами; уверяли, что они нападают на приходящие к берегу суда, грабят, убивают, поедают экипаж и т. п.

Все эти страшные рассказы малайцев о разбойничестве и людоедстве жителей берега Папуа-Ковнай и побудили меня избрать именно эту местность, так как я надеялся встретить там чистокровное папуасское население».

Вывод совершенно в духе Маклая! И 23 февраля 1874 года на малайском суденышке, с экипажем в шестнадцать человек он отправляется в новый путь — исследовать берег, прославленный «разбойничеством и людоедством».

«Главной целью моей поездки, — пишет он, — было составить себе ясное представление об антропологических особенностях населения юго-западного берега Новой Гви-

нен по сравнению с жителями северо-восточных ее берегов».

Цели своей Миклаухо-Маклай достиг и на этот раз, попутно открыв в неисследованной стране никому из европейцев неизвестное озеро, но на пути ему довелось встретить немало опасностей.

«Для пребывания своего я выбрал в высшей степени красивое место — Айва, — повествует он в своем докладе Географическому обществу, — мысок между двумя проливами, где мои люди скоро выстроили мне хижину, и я, немедленно, принялся за антропологические исследования...».

Папуасы были очень изумлены желанием белого жить между ними, но встретили путешественника дружелюбно и даже весьма почтительно. Из-за постоянных набегов, совершаемых туземцами гор и соседних островов, туземцы берега Папуа-Ковнай, прежде оседлые, постепенно обратились в кочевников. Когда же среди них поселился могущественный и справедливый белый человек, они начали располагаться вокруг его домика, снова строить хижины и даже обрабатывать землю.

«Скоро моя хижина стала центром, — пишет Миклаухо-Маклай, — около которого постоянно теснились пироги жителей с острова Наматоте, Айдумы, Мавары...»

По своему обыкновению, Миклаухо-Маклай совершил несколько экскурсий в глубь страны.

«Оставив в своей хижине в Айве около десяти человек экипажа, — рассказывает он, — я решил с остальными отправиться в глубь Новой Гвинеи, между прочим, для того, чтобы проверить рассказы туземцев о каком-то большом озере в горах. Высадившись на материке Новой Гвинеи против острова Койра, я перешел горный хребет в 1 200 футов вышины и действительно увидел сравнительно узкое, но длинное озеро, называемое скрестными жителями «Камака-Валлар». Озеро тем более заинтересовало меня, что, по рассказам туземцев, за несколько лет до моего прихода уровень его весьма значительно изменился».

Выяснив причины понижения воды в новонайденном озере, путешественник посетил близлежащие острова. И здесь его настигли дурные новости.

«Добравшись до острова Айдума, — вспоминает Маклай, — я получил весьма неприятное известие...

Папуасы моей колонии в Айве, полагая, что, благодаря моему соседству, они будут в безопасности, перестали быть

постоянно настороже и вовсе не думали о внезапном нападении.

В одно дождливое и угрюмое утро, когда начальников и большинства мужчин не было в селении, а те, кто оставался, спокойно спали в своих пирогах или в бараках, внезапно во множестве появились папуасы-враги. Они все были хорошо вооружены и, чтобы придать себе более страшный вид, выкрасили лица черной краской. Застав маленькое поселение врасплах, они бросились на спящих, не щадя и женщин. Один из первых шалашей, который был атакован, принадлежал старому радье¹ острова Айдумы. Сам радья отсутствовал. Дома спали его жена и дочь — хорошенький ребенок, лет пяти-шести. Бедная мать, раненная двумя ударами копья, нашла, однако, силы добраться с дочерью до моей хижины, где она надеялась быть в безопасности. Те, которые не были слишком тяжело ранены, последовали ее примеру. Таким образом, моя хижина стала центром свалки... Победители не удовлетворялись тем, что ранили и убили человек десять людей Айдумы, но, убедившись, что раны жены радьи Айдумы смертельны, изрубили на куски ее дочь. Отрубленная голова с частью туловища и болтающейся рукой была насажена на копье и с торжеством унесена в горы.

Впоследствии я узнал, что причиной этих убийств была старая вражда и давно уже решенная месть. После убийства начался грабеж моих вещей, который продолжался до трех часов пополудни. Горные туземцы отправились в обратный путь, неся, как трофей, голову ребенка, уводя с собой в плен двух молодых девушек и мальчика и унося столько вещей, награбленных в моей хижине, сколько могли унести».

Жители Мавары и Наматоте — двух ближних островов — воспользовались нападением горцев и разграбили хижину дочиста.

Миклухо-Маклай избрал своим новым местопребыванием остров Айдума и продолжал свои исследования, но он не забыл происхождения в Айве.

«...Я помню, — записал он в дневнике, — лужи крови несчастной девочки у меня на столе и кровавые следы ее матери, убитой тоже у меня в комнате».

¹ Радья (раджа) — малайское название старшины, начальника, усвоенное папуасами. Радья пользуется значительной властью.

Он решил покарать виновников убийства и грабежа. Узнав, что один из главных зачинщиков резни, капитан¹ острова Мавары, находится в пироге, приставшей к берегу острова Айдума, Миклухо-Маклай, в сопровождении слуги и одного преданного ему папуаса, отправился на берег.

«Медленно переходя от одной группы к другой, я, наконец, подошел к пироге.

— Где здесь капитан Мавары? — спросил я не особенно громким голосом.

Ответа не было, но все голоса затихли, и многие обернулись, ожидая.

— Капитан Мавары, выходи! — повторил я громче.

Общее молчание.

Я подошел к пироге.

— Выходи же!

Я сорвал цыговку, служившую крышей пирога. Там действительно сидел капитан.

— Саламат, туан! (Здравствуй, господин!) — произнес он слабым голосом. Этот человек был вдвое или втрое сильнее меня, а теперь дрожал всем телом.

Я схватил капитана за горло и, приставив револьвер ко рту, приказал Мойбернгу (туземцу) связать ему руки. После этого я обратился к папуасам и сказал:

— Я беру этого человека, которого я оставил в Айве стеречь мою хижину и который допустил, чтобы в моих комнатах убивали женщин и детей».

Но Миклухо-Маклай был слишком зорким и беспристрастным наблюдателем, чтобы, покарав случайного виновника грабежа и убийств, проглядеть, не заметить истинную причину междоусобиц, которые терзали туземцев берега Папуа-Ковнай. Он знал, что когда-то они вели мирную оседлую жизнь, что у них, как и у папуасов Берега Маклая, когда-то были хижины, кокосовые пальмы, плантации. Почему же теперь они живут впроголодь, бросили свои поселения, скитаются по воде от берега к берегу; почему, когда ни спросишь папуаса в пироге: «Откуда ты?», он неизменно отвечает: «Искал чего-нибудь поесть». Истинной причиной обнищания туземцев было то, что малайские купцы увозили туземцев в рабство; купцы подучивали горных папуасов красть берговых, а береговых — уводить в плен горных, и скупали украденных людей за бесценок. К тому времени,

¹ Капитан — начальник, помощник радьи.

когда Миклухо-Маклай посетил этот берег, явная торговля людьми была уже запрещена голландским правительством, но тайная продолжалась без помехи. Вот в чем была причина постоянной междоусобицы, резни и голода.

«Из сказанного следует, — писал Миклухо-Маклай, — что... хотя рабство в голландских колониях давно уничтожено официально, на бумаге, но торговля людьми совершается на деле в широких размерах...»

Убедившись воочию в существовании «возмутительной торговли людьми», на которую голландские власти смотрели сквозь пальцы, Миклухо-Маклай не считал возможным молчать. Тут впервые он выступил как защитник угнетенных народов. Летом 1874 года он обратился с письмом к генерал-губернатору Нидерландской Индии, в котором требовал прекратить людокрадство.

«Беззакония процветают беспрепятственно, — с горечью писал он в этом письме. — Для меня было бы большим удовлетворением, если бы эти несколько строк могли содействовать хоть некоторому облегчению печальной участи туземцев».

Вернувшись с берега Папуа-Ковиай на остров Яву, путешественник вскоре тяжело заболел. Он был на краю гибели. Но чуть оправившись, он предпринял следующее путешествие, необходимое для исполнения того плана, который он наметил себе. Папуасы Новой Гвинеи на востоке и на западе были уже во многих отношениях исследованы им, негритосы Филиппинских островов — тоже. Теперь он задумал разрешить следующий, не решенный наукой вопрос: существуют ли остатки меланезийского племени на Малаккском полуострове, как утверждают одни ученые, или же меланезийцев там нет, как утверждают другие?

В декабре 1874 года Миклухо-Маклай отправился в путешествие по Малакке на поиски племени «лесных людей», о которых слыхали, но которых никогда не видали европейцы. Существуют ли они в самом деле? Малайцы уверяли, что существуют, добавляя при этом, будто сзади у них хвосты и во рту клыки, будто уши у «лесных людей» такие длинные, что они могут прикрываться ими от дождя.

В Ихоре Маклай получил от магараджи «открытый лист», предписывавший всем деревенским старшинам предоставлять ему проводников и носильщиков, и двинулся в путь. Но время было выбрано им неудачно: декабрь на полуострове — самая дождливая пора. «Путешествие ока-

залось довольно трудным», — сдержанно признается Маклай; в действительности же путь был почти неодолим, и другой на месте Маклая давно повернул бы назад: реки и ручьи разлились и затопили низкие места; лес обратился в озеро; семнадцать суток путешественник шагал по колено, а то и по грудь в воде. Но он все-таки добрался до реки Муар, нанял плоскодонную лодку, поднялся в лодке до Палона, притока Муара, и здесь впервые увидел шалаши «оранутан» — «лесных людей». Однако эти первые «лесные люди» только раздражили воображение путешественника: они «были больше похожи на малайцев, чем на особое племя», говорили уже на полумалайском наречии, а ему хотелось обнаружить следы чистого папуасского племени.

Продолжая путь, Маклай достиг устья реки Индау, впадающей в Китайское море, и таким образом пересек весь полуостров Малакку с запада на восток. Но цели своей он не достиг и вернулся в Иохор, изнуренный и опечаленный.

«Результаты этой экскурсии были интересны, — пишет он, — но они далеко не удовлетворили меня».

Оставить дело незаконченным он не мог. Начав искать чистое, несмешанное, папуасское племя, он должен был найти его или убедиться, что на Малакке такого племени нет вообще. И он снова пустился в дорогу — во внутренние области полуострова. Напрасно матараджа уверял его, что ему не вернуться живым, что джунгли кишат тиграми, что «лесные люди» убивают всякого, кто осмеливается вступить в их леса, — Маклай своего решения не изменил.

Заручившись письмом от сиаменского короля, в котором король предписывал всем своим вассалам, радям Малакки, оказывать ученому всяческую помощь, Миклухо-Маклай отправился в путь.

«Приближаясь к столице какого-нибудь султана или радьи, — рассказывал впоследствии путешественник, — я обыкновенно посылал туда нескольких из сопровождавших меня людей, чтобы предупредить князя о моем приходе... На вопрос князя: кто я такой? посланные должны были, согласно моим наставлениям, отвечать, что «дато русс Маклай» («дато» — по-малайски означает двоюродный брат) придет в гости к нему; что дато Маклай идет из такой-то страны, побывав у такого-то султана или князя, и теперь направляется через эту страну в такую-то, к тому-то. На вопрос: «Что же дато Маклай хочет во всех этих странах и чего он ищет?» посланные люди должны были отвечать: «Дато

Маклай путешествует по всем странам, малайским и другим, чтобы узнать, как в этих странах люди живут: как живут князья и люди бедные, люди в селениях и люди в лесах; познакомиться не только с людьми, но и с животными и с растениями и т. п.». Разумеется, такой небывалый гость, желавший все видеть, приводил в немалое изумление и беспокойство туземных начальников, которые, хотя и любезно встречали меня, но еще любезнее старались выпроводить из своих владений... Это-то желание поскорее избавиться от моего присутствия... способствовало скорости и многим удобствам путешествия».

Из Иохора в Пахан, из Пахана в Келантан. Начиная с этого пункта, Маклай вступил в такие области, где до него не побывал еще ни один европеец. И, наконец, настойчивость его была вознаграждена.

«...у верховья реки Пахан, — докладывал он впоследствии Географическому обществу, — в горах между странами Пахан, Трингано, Келантан я встретил первых чистокровных меланезийцев».

Называлось это племя — «оран-сакай».

«Хотя они оказались очень пугливыми, но я успел сделать несколько портретов и антропологических измерений и посетил почти все их селения».

Оран-сакай — кочевое племя, племя «карликовое», как и негритосы; рост у этих людей не превышает ста пятидесяти сантиметров. У них темнокоричневая кожа и черные курчавые волосы. Они бродили по лесам, чуть ли не каждый день меняя место своих стоянок. Дорог они не прокладывали — они не нуждались в них. В топориках, которыми малайцы подрубают ветви, сакаю тоже не было нужды.

«Он сгибает рукой, не ломая, молодые деревья и нагибается или проползает под большими. Он никогда не обрывает и не срезает висящую на его пути лиану, а проползает под нею. Несмотря на бесконечные зигзаги, извивания, обходы, он изумительно быстро идет вперед».

Оран-сакаи собирали в лесах камфору и каучук и выменивали их у малайцев на табак, соль, ножи и тряпки. Малайцы оттесняли их все дальше и дальше вглубь, разбивая плантации на исконных землях сакаев, охотясь на их детей и женщин и продавая пленников в рабство. Зато кочевники и платили им упорной ненавистью. Малайцы недаром боялись заходить в леса. У «лесных людей» было особое ору-

жие — тростник для выдувания отравленных стрел. В полую бамбуковую трубку «лесной человек» вкладывал стрелу, напоенную змеиным ядом и ядовитым отваром из сока дерева «упас», дул в трубку, и стрела летела. Маклай изучил этот яд: от его действия человек умирает в судорогах через пятнадцать минут.

Добравшись до реки Патани, совершив двадцатидневное путешествие на слонах по землям сиамского короля, Миклухо-Маклай в конце 1875 года вернулся в Сингапур, а оттуда в Бейтензорге, и скоро в европейских журналах появились его статьи, где впервые в науке была дана этнографическая и антропологическая характеристика вымирающих племен полуострова Малакка.

«Научными результатами трудного моего путешествия я доволен, — писал Миклухо-Маклай, — через несколько лет сделанное мною уже не может быть сделано никем, так как эти племена вымирают».

VII

Наступило время исполнить обещание, данное папуасам деревень Горенду, Гумбу, Бонгу, и снова поселиться на берегу залива «Астролябии». Миклухо-Маклай любил это место, любил берега и лес вокруг Гарагаси, голоса необычайных птиц, раздающиеся в лесу, шум могучих деревьев и волн, яркие грозы; он всегда с отрадой вспоминал о своем уединении в Гарагаси и о друзьях, которых он там оставил. Он знал, что на Берегу Маклая, где им завоевана прочная дружба туземцев, он, благодаря этой дружбе, сможет глубоко проникнуть в самые основы жизненного уклада и представлений первобытных людей.

18 февраля 1876 года Миклухо-Маклай снова отправился в путь, на этот раз на борту шхуны «Морская птица». Шкипер обязался доставить Маклая на берег залива «Астролябии», покинутый путешественником пять лет назад. «Морская птица» совершала торговую поездку по островам Целебес, Пелау, Адмиралтейства, Агомес: оттуда до Новой Гвиней было уже недалеко.

Торг по дороге шел бойко. С отвращением наблюдал Маклай процедуру выменивания у туземцев драгоценных раковин в обмен на дешевые бусы. Трэдеров¹ на «Морской

¹ Трэдер — купец, торговец.

птице» было трое и каждый наживался, как мог, действуя вполне беззащитно.

«Трэдеры и шкипер, — записал на одной из стоянок Маклай, — окруженные штуцерами разных систем, отсыпали из мешочков бисер маленькими мерками, не больше наперстка, и стеклянные бусы в уплату за щиты черепах и жемчужные раковины...

Когда ют слишком переполнялся туземцами, на них травлили большого и сильного водолаза, которого они доселе боялись более трэдеров, шкипера и всего экипажа шхуны, вместе взятых. Едва собака показывала свои большие зубы или начинала лаять, ют мигом очищался, и давка у борта еще более усиливалась; многие бросались в море, чтобы поскорее уйти, другие лезли на ванты. Это очень мешало шкипера и трэдеров.

Несмотря на жару, крики и говор, давку около борта, суматоху при травле туземцев собакою и досаду при виде человеческой бесчестности, несправедливости и злости, я старался развлечься наблюдениями над папуасской толпой. Это мне удавалось несколько раз; тогда непривлекательная обстановка исчезала для меня на время... и, пользуясь случаем, я спешил записывать, измерять и чертить эскизы».

Путешественник повсюду сходил на берег, не расставаясь с записной книжкой, камерой-луцидой и измерительными приборами. На острове Вуап он прожил среди туземцев около двух недель; на острове Андра — несколько дней. И всюду его пристальный взгляд находил что-нибудь новое, до него еще никем не замеченное. На острове Андра он составил словарики папуасских слов, неизвестных ни одному лингвисту мира, а на острове Вуап обнаружил невиданные папуасские деньги: рядом с меновой торговлей туземцы, оказывается, пользовались здесь и деньгами. Деньги эти особенные: каждая монета величиной с мельничный жернов. Туземное наименование каменной монеты — «фе». Это белый, грубо отесанный камень с круглым отверстием посередине.

«Ценность этих каменных денег, — пишет Маклай, — очень различна: она зависит от величины и отделки камней. ...За один камень можно купить всего только немного таро и кокосов, а за другой — пирогу, жену, дом, участок земли... Небольшие отполированные правильной формы «фе» ценятся дороже, чем большие, неправильные и грубо отделанные».

Объезжая острова Меланезии и Микронезии, Маклай описал деревянных туземных идолов, украшения и татуировку туземцев, удивительный костюм женщин, напоминающий большую корзину, но более всего поразили его не деньги-жернова и не деревянные идолы, а те отношения, которые складывались между туземцами и белыми торговцами. «Европейцы эксплуатируют туземцев и своим примером развивают в них ложь и обман», — писал он. В погоне за трепангом¹, черепахой, жемчугом английские, голландские, немецкие купцы не стеснялись ничем. Они постоянно обманывали туземцев, сбывая им всякую заваль по возмутительно высокой цене, спаивали их, насильно увозили женщин; а если туземцы сопротивлялись или даже мирно отказывались вести невыгодный торг, вооруженные торговцы попросту отнимали у них все, что хотели. Военные суда, посылаемые колоннальными властями, всегда принимали сторону трэдеров и жестоко расправлялись с островитянами.

В одной из своих статей Миклухо-Маклай подробно рассказал о том, как трэдеры заманивают туземцев к себе на суда и силой принуждают работать.

«С раннего утра почти до вечерней темноты, с небольшим перерывом около полудня, трэдер или шкипер, удобно сидя под тентом в большой шляпке, наблюдает за ходом работы. Когда ныряющие за трепангом туземцы начинают уставать и остаются долее на поверхности воды, у белого есть весьма действенное средство, чтобы заставить их продолжать работу...

Белый берет лежащий около него штуцер, и пуля пролетает близ головы «лентяя», напоминая ему, что, попав в руки белого, он перестал быть свободным островитянином и сделался рабом. Пули хотя и редко задевают работающих, но постоянно держат их в большом страхе, и часто туземец, больной уже несколько дней (всякое нездоровье на языке белого называется ленью), напрягает остатки сил, которых, разумеется, хватает ненадолго. Но все же лучше туземцу заболеть во время стоянки: ему, по крайней мере, дадут умереть спокойно; в море же может случиться, что его, еще живого, выбросят за борт.

¹ Трепанг — червеобразное морское животное голотурия, особым образом прокопченное и заготовленное впрок. Голотурия водится у островов Тихого океана. Ее ловят, коптят, сушат и под названием трепанга продают, главным образом, китайцам, которые высоко ценят трепанг как изысканное блюдо.

В Пелау мне рассказали случай, который передаю почти слово в слово, как слышал.

На одной из шхун, возвращающихся с острова Агомес, было много больных. Запас воды был незначительный — ее выдавали небольшими порциями. Один из больных просит повара дать ему глоток. Это слышит шкипер и зовет туземца. Больной, с трудомдвигающийся, подходит.

— Сядь сюда! — говорит шкипер, указывая на низкий борт юта.

Больной, едва держащийся на ногах, садится.

— Ты хочешь пить?

— Да, немного воды, внутри огонь! — отвечает больной, указывая на грудь.

— Так ступай же, пей! — сказал на это шкипер и так быстро и сильно толкнул больного, что тот полетел за борт».

Наблюдая насилия, которым подвергали колонизаторы островитян Тихого океана, Миклухо-Маклай всегда с возмущением отвергал ссылки на «естественность» вымирания первобытных народов.

«Истребление темных рас, — писал он в ноябре 1877 года, — есть не что иное, как применение грубой силы, и каждый честный человек должен осудить ее или, если может, восстать против злоупотребления ею».

Он не только осудил, но и восстал. Тут его долг ученого встретился с общественным долгом подлинно культурного человека. В исполнении этих двух обязанностей — общественной и научной — для него не было противоречия. Они совпадали. Изучая, он и просвещал и защищал. Он не считал себя человеком «высшей расы» на том основании, что у него белая кожа и что он умеет стрелять из ружья; но он считал себя человеком передовой культуры и стал защитником папуасов Берега Маклая и всех «цветных» народов, поработанных белыми колонизаторами. Каждый раз, как на своем пути он встречал насилие над туземцами со стороны колониальных держав, он обращался к властям со словами укоризны и гнева. Во имя «справедливости» и «человечности» он требовал создания международной ассоциации для защиты человеческих прав туземцев Тихого океана «от бесстыдного грабежа». В письме к «главному комиссару ее британского величества» сэру Артуру Гордону он требовал, чтобы были приняты энергичные меры для охраны прав туземцев на их землю, на их леса и реки; чтобы

был запрещен ввоз спиртных напитков и ввоз оружия; в многочисленных обращениях к высшим голландским и английским чиновникам он требовал прекратить торг невольниками, практикующийся на островах Тихого океана под видом «свободного найма рабочей силы», людокрадство, грабежи и обманы. Пусть обращения Миклухо-Маклая были наивны — не от чиновников колониальных держав следовало ожидать помощи! — но он сделал все, что умел и мог.

VIII

Высадившись вторично, в июне 1876 года, на берегу залива «Астролябии», Миклухо-Маклай продолжал вести дневник.

«Туземцы очень обрадовались, но нисколько не изумились моему приезду, — записывает он в один из первых дней, — они были уверены, что я сдержу свое слово».

«Когда я съехал на берег в Горенду, туземцы соседних деревень, не исключая женщин и детей, вскоре сбегались приветствовать меня. Многие плакали, и все население казалось очень возбужденным моим возвращением».

Я недосчитался нескольких стариков — они умерли в мое отсутствие, но зато многие мальчики были уже почти взрослыми людьми, а между молодыми женщинами, которые должны были скоро стать матерями, я узнал нескольких, которых оставил маленькими девочками.

Жители ближайших деревень упрашивали меня поселиться среди них, но я, как и в 1871 году, предпочел не жить в деревне, а устроиться на некотором расстоянии. Осмотрев местность около Горенду, а затем около Бонгу, я остановил свой выбор на мыске у самой деревни Бонгу, и на другой же день туземцы, под руководством моих слуг и плотника со шхуны, стали расчищать место для моего дома и широкую дорогу от «улеу» — песчаного берега — к площадке, выбранной мною.

На шестой день дом мой был готов. В постройке его, кроме меня, принимали участие двое европейцев, двое из моих слуг, папуасы, переносившие срубленные стволы и крывшие крышу, а также папуасские женщины, усердно расчищавшие мелкий кустарник вокруг дома».

«Очень интересные сведения я получил от туземцев о землетрясениях, происшедших в мое отсутствие, — записывает он через месяц. — Как я уже сказал, изменение общего

вида вершин Мана-боро-боро (хребет Финистерре) поразило меня, когда я возвратился на этот берег. До моего отъезда (в декабре 1872 года) растительность покрывала самые высокие вершины; теперь же во многих местах вершины и крутые склоны оказались голыми. Туземцы сообщили мне, что во время моего отсутствия несколько раз повторялись землетрясения на берегу и в горах, причем немало жителей было убито кокосовыми деревьями, которые, падая, разрушали хижины.

Береговые деревни пострадали главным образом от необыкновенно больших волн, которые следовали за землетрясением. Волны вырывали деревья и уносили с собою хижины, более близкие к берегу. Я узнал, что давно, еще до моего первого приезда, целая деревня Аралу, находящаяся недалеко от морского берега между реками Габену и Коли, была совершенно смыта громадной волной. Так как это случилось ночью, то все жители погибли; только несколько мужчин, случайно находившихся в гостях в другой деревне, остались живы. Они не захотели вернуться на старое место и переселились в деревню Гумбу, которая избежала разрушения, так как она построена дальше от берега».

Дневник «второго пребывания» изобилует, как и первый дневник, многочисленными драгоценными сведениями о климате Новой Гвинеи, о ее горах, заливах, о растительном и животном мире. 12 августа Миклухо-Маклай предпринял экскурсию на одну из высочайших вершин горы Тайо и с опасностью для жизни, срываясь и падая с крутого и скользкого склона, измерил ее высоту; 5 декабря в деревне Бонгу наблюдал праздничные пляски туземцев; в марте подробно описал свадебные обряды в Горенду, присутствуя на свадьбе Мукау и Ло... Каждая из этих записей — богатый вклад в этнографию и географию.

«Благодаря большому ко мне доверию туземцев, — докладывал впоследствии Миклухо-Маклай Географическому обществу на основе записей своего дневника, — я во время второго у них пребывания имел возможность познакомиться с весьма интересными обычаями: брачными, погребальными и др. Укажу для примера на некоторые обычаи. Так, туземцы оставляют покойников гнить в хижинах. Когда человек умирает, его тело приводят в сидячее положение; потом труп оплетают листьями кокосовой пальмы в виде корзины, около которой жена покойного должна поддерживать огонь

в течение двух или трех недель, пока труп совершенно не разложится и не высохнет. Зарывают трупы в землю очень редко и происходит это только тогда, когда какой-нибудь старик переживает всех своих жен и детей, так что некому поддерживать огонь... Трупы умерших детей подвешивают в небольших корзинах под крышей хижин.

Я уже говорил, что папуасы не умели добывать огонь, и когда я спрашивал их об этом, они положительно не понимали моего вопроса и даже находили его смешным. Они говорили, что если у одного погаснет огонь, то он найдется у другого; если во всей деревне не будет огня, то найдется в другой».

Но самое интересное в дневнике «второго пребывания» — это те его страницы, которые посвящены новому подвигу Маклая: борьбе против бессмысленных войн. «Эти войны имеют более характер убийств, чем характер войны или боя в открытом поле,—писал Миклухо-Маклай.—Каждое убийство ведет к мести, и таким образом вся война состоит из ряда вендетт. Войны наносят страшный вред всему населению; туземцы боятся покидать свои деревни даже на несколько часов».

В 1877 году Маклай вмешался в распрю между двумя племенами и заставил обе стороны сложить оружие.

К этому времени авторитет Маклая, и до тех пор стоявший высоко, достиг небывалой высоты. Вызвано это было следующим происшествием.

«Сидя за ужином на барле (на помосте) около хижины Коды-боро в Богати,—рассказывает Маклай в дневнике,—я прислушивался к разговору, который вел мой хозяин, сидевший на пороге хижины со своим сыном Уром, только что вернувшимся из другой деревни. Они говорили негромко и жевали при этом бетель¹, так что я почти ничего не понял из их разговора, хотя расслышал, что они несколько раз произносили мое имя.

Когда я кончил ужинать, слез с барлы и намеревался пройти по деревне, Коды-боро удержал меня, схватив за рукав:

— Маклай, ты не ходи в Гориму.

¹ Бетель — кустарник с большими листьями, пряными на вкус. Кусочек плода арековой пальмы туземцы обертывают в лист бетеля, намазывают известью и жуют. Обычай жевать бетель, возбуждающий нервную систему, распространен среди многих народностей тропических стран.

— Я в Гориму не иду; я завтра вернусь в таль (дом) Маклай.

— Это хорошо, — сказал Коды.

— А отчего же мне не ходить в Гориму? — спросил я.

— Да люди Горимы нехорошие, — объяснил Коды.

На этот раз я удовлетворился этим ответом, так как до наступления темноты хотел взять несколько пеленгов, чтобы определить положение некоторых вершин хребта Манаборо-боро, который был хорошо виден в этот вечер.

Когда стемнело, я обошел костры, поговорил с разными знакомыми и вернулся к буамбрамре¹, где должен был провести ночь. Коды-боро хлопотал у костра. Я разостлал одеяло на барле и, найдя бамбук, на который положил все, что мог снять, приготовился к ночи, то-есть снял башмаки, гамашы и т. д. Затем позвал Коды-боро и спросил его:

— Отчего люди Горимы «борле» (нехорошие)?

Коды замялся. Я сунул ему в руку несколько кусков табаку.

— Ты скажи, Коды, а то я вернусь домой, возьму шалюпку и поеду прямо в Гориму.

— О, Маклай, не ездь в Гориму! Люди Горимы скверные.

— Ты скажи, почему? Что тебе сегодня сказал Ур?

Видя, что я не оставляю его в покое, Коды решился рассказать слышанное.

Ур, вернувшись из деревни, куда ходил к родителям жены, рассказал ему, что встретил там двух туземцев из Горимы; они говорили обо мне, говорили, что у меня много вещей в доме, что если бы люди Бонгу убили меня, то могли бы все взять, что двое из жителей Горимы хотят приехать нарочно в таль Маклай, чтобы убить меня и захватить столько вещей, сколько они смогут унести. Вот почему Коды называет людей Горимы «борле» и просит Маклая не ездить в их деревню.

— А как зовут этих двух людей Горимы, которые хотят убить Маклая? — спросил я.

— Одного зовут Абуи, другого Малу, — ответил Коды. Я дал ему еще кусок табаку и сказал, что хочу спать. По

¹ Буамбрамра — большая открытая хижина, без передней и задней стены. По туземному обычаю, пользоваться буамбрамрой имеют право только мужчины. Она служит спальней для молодых людей; тут же ночуют гости из других деревень.

мере того, как Коды говорил, у меня составилась план действий».

План этот заключался в том, чтобы немедленно отправиться в ту самую деревню, где его грозились убить. Задумано — сделано.

«У входа в буамбраму собралась толпа людей, созванных моим переводчиком. Переводчик объявил мне, наконец, что все люди Горимы в сборе.

Обратившись к переводчику, я велел подбросить в костер сухих щепок, чтобы сильнее осветить буамбраму. Когда это было сделано, я сел на барум около костра, освещавшего лица присутствующих. Первые мои слова, обращенные к переводчику, были:

— Абуи и Малу здесь или нет?

Перед тем, забыв эти имена, я должен был пересмотреть свою записную книжку, так как я записал их вчера вечером в полутемноте. Когда я назвал эти два имени, туземцы стали переглядываться между собою, и только через несколько секунд я получил ответ, что Абуи здесь.

— Позови Малу! — было мое распоряжение.

Кто-то побежал за ним.

Когда Малу явился, я встал и указал Абуи и Малу два места около самого костра, как раз против меня. Они с видимым нежеланием подошли и сели на указанные мною места. Затем я обратился с короткою речью к переводчику, который переводил, по мере того как я говорил, то-есть почти слово в слово. Содержание речи было, приблизительно, следующее:

Услышав вчера от людей Богати, что двое людей Горимы — Абуи и Малу — хотят меня убить, я пришел в Гориму, чтобы посмотреть на этих людей. (Когда я стал смотреть поочередно на обоих, они отворачивались каждый раз, как встречали мой взгляд). Что это очень дурно, так как я ничего не сделал ни Абуи, ни Малу и никому из людей Горимы, что теперь, пройдя пешком от Богати до Горимы, я очень устал и хочу спать, что сейчас лягу и что, если Абуи и Малу хотят убить меня, то пусть убьют, пока я буду спать, так как завтра я уйду из Горимы.

Договорив последние слова, я направился к барле и, взобравшись на нее, завернулся в одеяло. Мои слова произвели, кажется, сильный эффект. По крайней мере, засыпая, я слышал возгласы и разговоры, в которых мое имя было не раз повторяемо. Хотя я спал плохо и просыпался

несколько раз, но происходило это не из страха перед туземцами, а, вероятно, по причине тяжеловесного ужина, которого я обычно избегаю.

На другое утро я был, разумеется цел и невредим. Перед уходом из Горимы Абуи принес мне в дар свинью почтенных размеров и вместе с Малу непременно пожелал проводить меня не только до Богати, но и в таль Маклай».

Этот эпизод, еще раз подтвердивший не только бесстрашие Маклая, но и его полное доверие к чувству справедливости темнокожих людей, превратил их дружбу к нему в восторженное благоговение. И Маклай воспользовался новой победой по-своему. Воспользовался для того, чтобы помирить два племени, прекратить бессмысленную междоусобную распрю, порожденную пустым суеверием.

«Туземцы Бонгу сообщили мне о смерти Вангума. Это был туземец из Горенду, человек лет двадцати пяти. Вангум был крепкий и здоровый мужчина, как вдруг заболел и дня через два-три внезапно умер.

Мебли сказал мне, что эта смерть вызвала сильную тревогу в деревнях Бонгу и Горенду. Отец, дядя и родственники покойного, которых было немало в обеих деревнях, усиленно уговаривают все мужское население Бонгу и Горенду безотлагательно отправиться в поход на жителей одной из горных деревень».

«Междоусобия у папуасов,—объясняет Миклухо-Маклай в одной из своих научных статей,—часто бывают вызваны поверием, что смерть, даже случайная, происходит через посредство так называемого «оним»¹, изготовленного врагами умершего... После смерти туземца родственники и друзья покойного собираются и обсуждают, в какой деревне и кем был приготовлен «оним»... Толкуют долго, перебирая всех недругов покойного, не забывая при этом и своих личных неприятелей. Наконец, деревня, где живет недруг, открыта; виновники смерти найдены, составляется план похода, подыскиваются союзники и т. д.»

«Услышав о происшедшем,—продолжает он в дневнике,—я решил не допустить экспедиции в горы. Я воздержался, однако, от всяких немедленных заявлений, желая сперва обстоятельно выяснить положение дела. Я узнал вчера вечером об одном благоприятном для моих планов

¹ Папуасы верили в возможность с помощью магических заклинаний «извести» человека. Оним—один из атрибутов такого колдовства.

обстоятельстве: жители Бонгу и Горенду никак не могут сговориться насчет того, в какой именно деревне живет предполагаемый недруг Вангума или отец этого недруга, который приготовил «оним», причинивший смерть молодому человеку. Это разногласие, однако, они надеялись устранить весьма простым способом: напасть сперва на одну, а затем и на другую деревню.

Явившаяся ко мне депутация из Бонгу, просившая меня быть их союзником в случае войны, получила от меня решительный отказ. Когда некоторые продолжали уговаривать меня помочь им, я сказал с очень серьезным видом и возвысив немного голос:

— Маклай баллал кере (Маклай говорил довольно).

После этого депутация удалилась.

Затем я отправился в Горенду послушать, что мне скажут там. Людей там я встретил немного; все говорили о предстоящей войне с Мана-тамо (людьми гор).

...Прошло несколько дней. Экспедиция в горы не состоялась. Впрочем, я не приписываю этого моему вмешательству, а просто обе деревни не сошлись на этот раз во мнениях.

Сегодня около трех часов я сидел на веранде за какой-то письменной работой. Вдруг является запыхавшийся Сале и говорит мне, что слышал от людей Бонгу о внезапной смерти младшего брата Вангума. Опасаясь за последствия смерти обоих братьев в течение такого короткого времени, я сейчас же послал Мебли в деревню узнать, правда ли это.

Вернувшись, он рассказал мне следующее. Утром Туй, девяти- или десятилетний мальчик, брат Вангума, отправился с отцом и другими жителями Горенду ловить рыбу к реке Габенев. Там его ужалила в палец руки небольшая змея; яд подействовал так сильно, что перепуганный отец, схватив ребенка на руки и бросившись почти бегом в обратный путь, принес его в деревню уже умирающим.

Собрав в одну минуту все необходимое, то-есть ланцет, нашатырный спирт, маоганцевокислый калий и несколько бинтов, я поспешил в Горенду. Нога у меня сильно болела, и потому я очень обрадовался возможности воспользоваться пирогой, отправлявшейся в порт Константина: она могла отвезти меня в Горенду.

Около Урур-И мы узнали от сильно возбужденных Иона и Намуя, бежавших из Горенду, что белняк Туй только что умер и что надо итти жечь хижины Мана-тамо (людей из горной деревни).

Послышалось несколько ударов барума, возвещающих смерть мальчика. Когда я вышел на берег, меня обогнали бегущие и уже воюющие женщины. В деревне волнение было сильное: страшно возбужденные мужчины, почему-то все с оружием в руках, всюющие и кричащие женщины сильно изменяли физиономию обыкновенно спокойной и тихой деревни. Везде только и было слышно, что «оним» и «Манатамо барата» (идем жечь горцев).

Эта вторая смерть, случившаяся в той же деревне и даже в той же самой семье, где и первая, с промежутком в каких-нибудь две недели, произвела среди жителей обеих деревень настоящий пароксизм горя, жажды мести и страха. Даже самые спокойные, которые раньше молчали, теперь стали с жаром утверждать, что жители которой-нибудь из горных деревень приготовили «оним», почему Вангум и Туй умерли один за другим, и что если этому не положить конец немедленным походом в горы, то все жители Горенду перемрут и т. п.

Война теперь казалась уже неизбежной. О ней толковали и старики и дети, всего же больше кричали бабы; молодежь приготовляла и приводила в порядок оружие.

На меня в деревне поглядывали искоса, зная, что я против войны; некоторые смотрели совсем враждебно, точно я виноват в случившейся беде...

...Мне было ясно, что на этот раз мне не следовало смотреть сложа руки на положение дел в деревне Бонгу, находившейся всего в пяти минутах ходьбы от моего дома. Молчание с моей стороны, когда только несколько дней тому назад я восстал против похода после смерти старшего брата Туя, было бы странным.

...Мне не следовало уступать и на этот раз, чтобы не быть принужденным уступить впоследствии...

Я решил запретить войну».

И он запретил ее.

«В деревне всюду шли толки о случившемся. Заметив, что туземцам очень хочется знать, что я думаю, я сказал:

— Вангум и Туй были молоды и здоровы, старик-отец остается теперь один, но все-таки Маклай скажет то же, что говорил и после смерти Вангума: войне не быть...

Собралась большая толпа, но в буамбраму, где я сидел, вошли только одни старики. Каждый из них старался убедить меня, что война необходима...

...Я выслушал очень многих. Когда последний кончил

говорить, я встал, собираясь идти, и обыкновенным моим тоном, представлявшим сильный контраст с возбужденной речью туземцев, повторил:

— Маклай говорит — войны не будет, а если вы отправитесь в поход в горы, то с вами со всеми, с людьми Горенду и Бонгу, случится несчастье.

Наступило торжественное молчание».

Через несколько дней разговоры о войне прекратились, прекратились и военные приготовления. Туземцы вынуждены были сложить оружие. Перед чем? Перед твердым словом человека, которого они уважали.

Дневник «второго пребывания» заканчивается описанием еще одного многозначительного эпизода. То, что Маклай отправился в Гориму, не испугавшись угроз Абуи и Малу, то, что он, не колеблясь, стал между двумя племенами, готовыми кинуться друг на друга, — вселило в туземцев одно подозрение.

Не зная, как объяснить себе бесстрашие, которое постоянно проявлял этот худощавый человек с бледным, усталым лицом и тихим голосом, они в конце концов заподозрили, что он бессмертен — потому и не боится их копий и стрел.

— Скажи, Маклай, можешь ли ты умереть? — спросили они его однажды.

Маклай на минуту задумался. Потом взял копьё «толстое и хорошо заостренное», как с педантической точностью сообщает он в дневнике, «тяжелое и острое, которое может причинить неминуемую смерть», подал его папуасу, отошел на несколько шагов и остановился против него.

«Я снял шляпу, широкие поля которой закрывали мне лицо; я хотел, чтобы туземцы могли видеть по выражению моего лица, что Маклай не шутит и не моргнет, что бы ни случилось», — записывает он.

Он подал туземцу копьё и сказал:

«Посмотри, может ли Маклай умереть».

Маклай был прав, не побоявшись копьё: папуасы глубоко и преданно любили его и сами отказались от предложенного им опыта.

— Арен, арен! (нет, нет!) — закричал Саул, когда Маклай вложил ему в руку копьё. Он не поднял оружия на Маклая.

«Многие бросились ко мне, как бы желая заслонить меня своим телом, — продолжает Маклай в дневнике. — Простояв еще несколько времени перед Саулом и даже назвав его

шутливым тоном бабой, я снова сел между туземцами, которые заговорили все зараз.

Ответ оказался удовлетворительным; после этого случая никто не спрашивал меня, могу ли я умереть».

IX

6 ноября 1877 года в залив «Астролябии» случайно зашла английская шхуна «Флауэр ов Ерроу», державшая путь в Сингапур. Считая предпринятую им работу по обследованию всех разновидностей меланезийского племени далеко не законченной, Миклухо-Маклай решил покинуть на время своих новогвинейских друзей. Заручившись согласием шкипера, он перенес вещи на борт «Флауэр ов Ерроу».

Но прежде, чем уехать, Маклай решил предупредить папуасов о грозящей им опасности.

«Еще до сих пор похищение людей в рабство встречается на островах Тихого океана, — докладывал он впоследствии Географическому обществу, — и производится под английским, германским, американским и французским флагами. Я ожидал, что и на Новой Гвинее может случиться то же, что и на островах Меланезии, где население стало сильно уменьшаться вследствие вывоза невольников. Поэтому, полагая, что и Берег Маклая будет со временем целью посещения судов работорговцев, я счел своим долгом предупредить папуасов».

Он пригласил к себе по два человека из каждой деревни: самого старого и самого молодого.

«Я объяснил им, что, вероятно, другие люди, такие же белые, как и я, с такими же волосами, в такой же одежде, придут к ним на таких же кораблях, на каких приезжал я, но очень вероятно, что это будут другие люди, чем Маклай... Эти люди могут увезти их в неволю... Я посоветовал им никогда не выходить навстречу белым вооруженными и никогда даже не пытаться убивать их, объясняя им всю силу огнестрельного оружия сравнительно с их стрелами и копьями. Я им советовал для предупреждения бед, при появлении судна сейчас же посылать своих женщин и детей в горы».

Около двух лет жизни потратил путешественник, чтобы победить страх туземцев перед невиданным, загадочным «белым человеком» и завоевать их доверие. Тяжелым трудом, великим терпением добился он этой цели, но, хорошо

изучив нравы тех «белых людей», которых неизбежно предстояло увидеть папуасам, вынужден был сам разрушить сделанное: снова внушить туземцам страх перед «белыми» и недоверие к ним. Не без горечи произносил свои предупреждения Маклай, но он не желал допустить, чтобы плодами его бескорыстных трудов во вред туземцам воспользовались торговцы и промышленники.

Как убедился впоследствии Миклухо-Маклай, туземцы запомнили его наказ слово в слово и в точности исполнили все.

В январе 1878 года Маклай прибыл в Сингапур. Здесь он тяжело заболел. Врачи потребовали, чтобы он поехал отдыхать и лечиться, «а не то, — угрожали они, — путешественник окажется вынужденным совершить путешествие на тот свет». Скрепя сердце, Миклухо-Маклай переселился в Сидней. В Сиднее он продолжал работу по изучению мозга хрящевых рыб, начатую им еще в юности, и делал антропологические наблюдения над туземцами, которые изредка попадали в госпиталь с островов Океании.

Работа его была прервана трезвожными вестями. Распространился слух, что Австралийский Союз собирается захватить восточный берег Новой Гвинеи. То, чего каждый день опасался Миклухо-Маклай, казалось, должно было вот-вот произойти. Он не мог оставаться безучастным к этому событию. Папуасы бухты «Астролябии» не были для него каким-то общим, отвлеченным понятием; это были люди: Туй и Бонем, Коды-Боро, Моте.

Он немедленно направил протест «высокому комиссару ее британского величества» — сэру Артуру Гордону.

«...я решил возвысить голос во имя прав человека... и привлечь Ваше внимание к опасности, которая угрожает уничтожить навсегда благополучие тысяч людей, не совершивших иного преступления, кроме принадлежности к другой расе, чем наша, и своей слабости».

Он призывает «высокого комиссара»:

«...предупредить ряд несправедливых убийств, избавить на будущее время цивилизацию от позора избиения женщин и детей под предлогом «заслуженного возмездия».

Верил ли Миклухо-Маклай, что «высокий комиссар» защитит туземцев? Повидимому, не очень. Из памяти было не вычеркнуть «...окончательного уничтожения туземцев Тасмании и постепенного, по сие время продолжающегося, истребления австралийцев».

Как бы там ни было, надежда его, очевидно, была не очень сильна, потому что он написал:

«Справедливость моих доводов, пожалуй, окажется важной причиной того, что мое письмо останется без желаемых последствий».

В марте 1879 года Миклухо-Маклай предпринял новое путешествие на острова Тихого океана.

«Мне кажется весьма важным,— сообщил он, отправляясь в плавание, одному из своих ученых коллег,— видеть самому как можно большее число разновидностей меланезийского племени; иметь возможность несколько дней, даже несколько часов самому наблюдать туземцев у них на родине, в их ежедневной обстановке, больше значит, чем повторное чтение всего написанного о них».

Но не только желание изучить туземцев островов Меланезии руководило путешественником в предпринятой им поездке. Он надеялся снова побывать на Берегу Маклая. Он писал матери, что должен «держат слово, данное друзьям, особенно, когда им грозит скорая опасность столкновения с их будущими непримиримыми врагами». Заключая условие со шкипером трехмачтовой американской шхуны «Сэди Ф. Келлер», отправлявшейся на острова Ново-Гебридские, Агомес, Адмиралтейства и Соломоновы для ловли трепанга и скупки перламутра и жемчуга, он обязал шкипера, окончив коммерцию, заехать в бухту «Астролябии». Контракт этот, между прочим, интересен и тем, что, отправляясь на острова Адмиралтейства, где туземцы были сильно восстановлены против белых мошенничеством и жестокостями трэдеров, Миклухо-Маклай счел необходимым ввести в свой контракт с капитаном шхуны такой, весьма своеобразный, пункт:

«В том случае, если мистер Маклай будет убит туземцами одного из островов, капитан Веббер обязуется не чинить никаких насилий над ними под предлогом наказания».

Так, даже думая о собственной смерти, он продолжал заботиться о тех, кто, доведенный до отчаяния несправедливостью и корыстью трэдеров, мог бы убить его.

Х

В 1879 году действительность пожелала дать Миклухо-Маклаю еще один предметный урок: на этот раз не из истории развития первобытных народов, а из истории клас-

совой борьбы. Среди записей Миклухо-Маклая, посвященных путешествию 1879 года, есть и такая:

«Из Сиднея я отправился на острова Меланезии. Путешествие я совершил на американской трехмачтовой шхуне «Сэди Ф. Келлер»; оно продолжалось больше года и было в высшей степени интересным. Шхуна отправилась сначала в Нумею, а потом в Южную бухту Новой Каледонии; я осмотрел в самой Нумее и в ее окрестностях все, что было интересно».

«Все, что было интересно». Интересны, конечно, были для Миклухо-Маклая туземные племена Новой Каледонии. Но, повидимому, не только они.

Нумея, окрестности Нумей: остров Ну, полуостров Дюко... Страшные имена, страшные воспоминания. В 1879 году, когда приезжал туда Миклухо-Маклай, там, в каторжных тюрьмах и лагерях еще томились герои Парижской Коммуны.

28 мая 1871 года в 11 часов утра солдаты «армии порядка» перебили последних защитников последней баррикады Парижа. По официальным данным в кровавую «майскую неделю» рабочий Париж потерял убитыми в боях и расстрелянными более тридцати тысяч человек. «Началась дикая охота за скрывшимися предводителями восстания, — пишет современник, — доносы на политических и частных врагов; хладнокровная бойня огулом». Тех коммунаров, которые избежали бойни, правительство отправило на каторгу в недавно приобретенную Францией колонию, на острова Тихого океана.

Коммунары не сомневались, что каторга, уготованная для них их злейшими врагами, будет чудовишна. Недаром Симон Майер, «комендант Вандомской площади», приговоренный к расстрелу, узнав о помиловании, воскликнул: «Значит, на каторгу? Я тысячу раз предпочитаю смерть». И все-таки, как это явствует из мемуаров Майера, действительность превзошла самые мрачные его ожидания.

На черном с белым трехмачтовом фрегате «Виргиния» и на других судах, отправляющихся в океан с осужденными, коммунары были заключены в дубовые клетки, как звери. В Новой Каледонии, в тысячах километров от родины, на островах Ну и Пен, на полуострове Дюко благороднейшие люди Франции оказались отданными в полную, бесконтрольную власть подонкам французского общества: вора, насильникам, убийцам: администрация каторги поручила

надзор за коммунарами уголовным преступникам. Их посылали на работы в каменоломни, где каждая минута грозила смертью: земля не была укреплена и плыла. Задыхаясь от едкой пыли, они грузили известку в огромные тачки и, тяжело волоча цепи, катили груженные тачки к печи для обжигания извести. За малейшее неповиновение их до полусмерти, а иногда и до смерти, избивали плетью, пытали булавками, морили голодом в ямах, сковывали одной цепью с уголовниками.

В мае 1876 года 14 ссыльных предпочли каторге смерть и повесились.

Острова и полуострова Дюко, Ну, Пен, обращенные Францией в место ссылки уголовных и политических преступников, избраны были в качестве каторги весьма удачно. Ни океан, светящийся по ночам фосфорическим блеском, ни огромные, низко горящие звезды Южного Креста, ни лунные радуги, появляющиеся над океаном влажными ночами, ни яркая зелень, покрывающая прибрежную полосу, — ничто не могло скрасить мрачность новокаледонской природы. В Новой Каледонии мало земель, удобных для земледелия; чуть ли не каждое лето ее посещает засуха, жалкие огорды гибнут от зноя и саранчи, скот, привозимый из Австралии, — от недостатка воды. Природа зловещих островов, казалось, была заодно с тюремщиками: акулы стерегли каторжан в океане; москиты терзали их по ночам, а днем их одолевали муравьи, крупные и ненасытные, способные сожрать человека живьем. Среди балок барака гнездились рыжие летучие мыши с когтистыми хрящеватыми крыльями.

Симон Майер писал, что остров Ну формой своей напоминает акулу, широко распахнувшую пасть, а гора, у подножья которой на острове Дюко расположены были лагеря ссыльных, недаром называется горой Мертвой женщины: в очертаниях гигантской скалы и в самом деле чудятся разметавшиеся волосы и стройное тело, вытянувшееся в предсмертной судороге... Огромные белоствольные деревья — ннаули — с ветвями, поднятыми к небу, напоминали скорбную процессию мертвецов. Глядя на белые деревья, коммунары думали о погибших товарищах, похороненных в этой неприятной земле. Сами тюремщики не выдерживали созданного в Новой Каледонии ада: главный палач Нумей кончил тем, что сошел с ума.

«Колодки, «плеть-семихвостка» и пытки булавками, — не правда ли, нам есть чем гордиться? — писал наборщик

Аллеман, коммунар, сосланный на остров Ну. — И это допускается в самой блестящей стране земного шара, которую мы с дурацкой гордостью именуем цивилизованной, передовой!»

Новая Каледония населена меланезийскими племенами, — «канакими», — как их называли французы. Тюремщики позаботились о том, чтобы люди, порученные их охране, не встречали сочувствия среди туземных племен. Миссионеры, открыто торговавшие водкой и исподтишка рабами, искусно внушали канакам, будто каторжники, все поголовно, людоеды, убийцы, и если кому-нибудь из заключенных удавалось бежать из лагеря, канакки, отличные охотники, по знаку тюремного начальства кидались на поиски, устраивали настоящую облаву, убивали несчастного и с торжеством приносили губернатору Нумен привязанный к палке труп беглеца — совершенно так же, как туземцы бухты «Астролябии» приносили в свои деревни убитых кабанов после удачной охоты.

В один из апрельских дней 1879 года медленно открылся перед глазами Маклая сначала полуостров Дюко, потом остров Ну и между ними, на голубоватых холмах, домики и форты Нумен. Шхуна «Сэди Ф. Келлер» бросила якорь в порту.

Миклахо-Маклай сошел на берег. Нумея — резиденция губернатора, административный центр каторги. Одноэтажные дощатые деревянные домики. Каменные казармы. Каменный, похожий на казарму, дворец губернатора, пушки военных фортов, превращенных в тюрьму.

Что означает фраза у него в дневнике: «я осмотрел в Нумее и в ее окрестностях все, что было интересного»?

Видел ли он только туземцев, или ему удалось говорить и с ссыльными? Встретился ли он с Луизой Мишель — поэтом, этнографом, историком, знаменитой коммунаркой, отставившей Париж и Коммуну с оружием в руках?

Статьи и дневники Маклая не дают нам ответа на этот вопрос. Исследователи располагают только косвенным, но зато неопровержимым доказательством того, что грозная и доблестная судьба коммунаров, с которыми Маклай неизбежно должен был встретиться в Новой Каледонии, тронула и поразила его.

27 декабря 1882 года Иван Сергеевич Тургенев, живший в те годы в Париже, писал русскому политическому эмигранту, члену одной из секций Коммуны, Петру Лавровичу Лаврову:

«Любезный Петр Лаврович, наш известный путешественник Миклухо-Маклай, который проездом здесь, обратился ко мне с просьбой доставить ему брошюру или брошюры. «написанные бывшими сосланными в Новую Каледонию коммунарами о жизни их там и перенесенных ими там страданиях». А я обращаюсь к Вам, как к вернейшему источнику и прошу Вас достать эти брошюры и прислать их мне, если возможно, не позже пятницы, так как М. М. уезжает отсюда в субботу утром и будет у меня в пятницу в 2 часа...

Прошу извинить за доставление Вам этих хлопот и крепко жму Вашу руку. Ив. Тургенев».

Исполнил ли Лавров просьбу Тургенева, достал ли для Маклая воспоминания коммунаров, амнистированных в начале восьмидесятых годов? Как бы там ни было, интерес ученого к узникам Новой Каледонии, судя по записке Тургенева, был глубок и устойчив — иначе он не стал бы разыскивать их мемуары. А если так, нам естественно предположить, что интерес этот был вызван личным общением, что, посетив Новую Каледонию в 1879 году, Маклай не мог не видеть французских ссыльных, что на полуострове Дюко Маклай беседовал с Луизой Мишель и она пела ему песни канаков, записанные ею, показывала ему их рисунки, рассказала о том, как умны, восприимчивы и музыкальны дети канаков, которых она учила пению. Если Луиза Мишель и Маклай действительно встретились, она должна была поделиться с ним теми фактами, которые впоследствии легли в основу ее воспоминаний; кроме канаков, развращенных французскими властями, на острове есть и другие. Они чем могут облегчают тяжкую судьбу ссыльных, и они не покорились завоевателям.

«Однажды в бурную ночь я услышала, что кто-то стучит в дверь моей хижины, — писала впоследствии Луиза Мишель. — Кто там? — спросила я. — Тайо! — ответили мне (Тайо — значит друг). Я узнала голоса канаков, которые приносили нам съестные припасы.

Действительно, — это были они. Они собирались... сражаться со «злыми» белыми... ко мне они пришли, чтобы проститься.

У меня был красный шарф времен Коммуны, который мне удалось сохранить с величайшим трудом: я разорвала его надвое и отдала им эти куски на память.

Восстание канаков было потоплено в крови; туземцы из мятежных деревень были расстреляны через десятого».

Если Миклухо-Маклай ознакомился впоследствии с воспоминаниями Луизы Мишель, то какими близкими должны были прозвучать для него заключительные страницы той главы, в которой Луиза Мишель, амнистированная в 1880 году, описывала свой отъезд из Нумей...

«...когда я уже собиралась сесть на судно... я увидела, что весь берег покрыт канаками... Не ожидая амнистии так скоро, я хотела устроить школу в туземных поселках; теперь мои черные друзья пришли, чтобы напомнить мне о моем обещании. «Ты больше не приедешь!» — повторяли они с горечью. Чтобы утешить их, я с полной верой в свои слова говорила им: «Я вернусь к вам!»

Долго потом со своего судна я смотрела на черную толпу канаков, пока она не скрылась из виду. Они плакали, плакала и я сама».

Разве эти проводы, описанные знаменитой коммунаркой, не напоминают нам других — тех, которые описал Миклухо-Маклай, рассказывая о своем первом отъезде из бухты «Астролябии»?

XI

Соблазнив шкипера шхуны «Сэди Ф. Келлер» богатой добычей трепанга, Миклухо-Маклай уговорил его зайти на островок Андра. Три года назад путешественник уже побывал на этом острове, успел завязать дружбу с туземцами, и теперь ему захотелось проверить и расширить свои прежние наблюдения.

«Я съехал с туземцами на берег, — записал Маклай у себя в дневнике, — и был встречен толпой мальчиков и девочек, которые все кричали; кто кричал «Макрай», кто «уян» (хороший), кто протягивал уже руку и орал: «буаяб, буаяб» (бисер).

«Сев у одной из «ум-камаль» (хижина для мужчин), я достал свою записную книгу 1876 года и стал громко читать записанные в ней имена жителей деревни. Эффект был изумительный. Все вскочили и стали орать: «Макрай уян! уян! уян!». Когда они поуспокоились, я снова стал называть имена; некоторые отзывались сами, за иных отзывались другие, произнося: «римат» — умер, иногда прибавляя: «салау» — неприятель, что означало, вероятно, что человек был убит неприятелем... Одним словом, туземцы скоро почувствовали, что нашли во мне старого знакомого, что я понимаю их, интересуюсь ими и не думаю причинить им

вред или обмануть их при торге, которым, как они скоро убедились, я и не занимался. Я раздал взятый с собою бисер женщинам и детям; каждая или каждый подходил ко мне с листком, сорванным с ближайшего куста, на который я отсыпал покемному бисера из небольшой склянки... Тем из детей, которые мне более нравились, я повязывал выше локтя по ленточке красной материи, которою дети остались очень довольны...»

Когда Миклаухо-Маклай, переночевав на шхуне, утром снова съехал на берег, дети, украшенные красными ленточками, не отходили от него ни на шаг и всячески старались услужить ему. Они привязали его койку к молодому фикусу и принесли ему кокосовых орехов для питья.

«После шума и суеты на шхуне, — записывает Маклай, — в тени громадных деревьев, любясь красивой панорамой островов, моря и гор, я положительно «наслаждался отдыхом», но, — добавляет он тут же, — предаваться дальше покою было нелегко: все окружающее было так интересно!»

И, не дав себе отдохнуть в гамаке, Маклай снова берется за свой привычный труд. Растут в записных книжках записи и рисунки; растет коллекция папуасской утвари и оружия: топоров, ножей из бамбука и ножей из молодых раковин. Однако, как всегда и везде, кроме уровня материальной культуры, ученые интересуют обычаям и нравам туземцев и, если можно так выразиться, уровень их духовной культуры.

«Родители и вообще взрослые обращаются с детьми с замечательной мягкостью и добротой, — записывает он, — и почти никогда их не наказывают».

Через несколько дней путешественнику довелось присутствовать при совершении погребального обряда. Так же, как и на Берегу Маклая, обряд состоял главным образом из пронзительного воя и неистовой пляски измазанных черною краскою женщин.

«Во всех завываниях и жестах, — пишет Маклай, — можно было заметить много искусственного, заученного. Обычай этого требовал, чувство отступало на второй план... Как только главная жена покинула труп и была замещена другою, она сразу перешла от бешеных криков и жестикующий к простому разговору... Она производила впечатление актрисы, сошедшей со сцены»...

Но среди этого искусственного ритуала, требуемого обычаем, Миклаухо-Маклай успел заметить и глубокое, искреннее горе.

«Выходя из хижины, я прошел мимо женщины, сидевшей у берега. То была, вероятно, сестра или одна из молодых жен усопшего. Из закрытых глаз текли ручьем слезы, губы что-то бормотали: бессознательно водила она по песку руками; иногда, как ребенок, нагребала она песок в кучки, потом снова сравнивала все рукой. Я прошел мимо, затем остановился, простоял довольно долго, глядя на нее, но она меня не видала и не слыхала...»

6 ноября Миклухо-Маклай отправился в деревню Суоу, где, как ему говорили, содержался в плену у туземцев малаец Ахмат, бывший матрос шхуны «Морская птица». Путешественник хотел выручить беднягу-малайца, да и многое надеялся через него разузнать: ведь Ахмат пробыл на острове около трех лет и поневоле хорошо изучил обычаи и нравы туземцев.

Предприятие было опасное: туземцы деревни Суоу враждовали с соседями, славились беспощадностью и людоедством. Не желая, чтобы его удерживали или навязали ему охрану, Маклай отправился в Суоу, никому не сказавшись, в сопровождении туземцев Кохэма и Падако. Капитану же он оставил записку, в которой еще раз напомнил об уговоре: никого не наказывать, если его убьют.

«Без приключений пристали мы к берегу возле деревни Суоу. Я предпочел остаться в пироге, а в деревню, находящуюся на холме, послал Падака, чтобы он привел Ахмата сейчас же. Не прошло и пяти минут, как Ахмат, окруженный толпой жителей Суоу, подошел к пироге... Сперва он ничего не мог сказать, не знаю, от робости или возбуждения. Несколько малайских слов, сказанных мною, ободрили его. Он мне ответил, что его содержат здесь, как пленника и что он желает, если только возможно, отправиться со мною; что это будет, однакоже, зависеть от меня, потому что туземцы Суоу не отпустят его без выкупа, а у него ничего нет. Я утешил Ахмата, сказав, что выкуп я заплачу и намерен это сделать сегодня же...

Я поспешил на шхуну. При прощании Ахмат был очень растроган, чуть не плакал, хотел целовать мне руки. Он просил меня привезти ему со шхуны пару старых панталон и какую-нибудь рубашку, потому что, говорил он, ему было бы совестно явиться на шхуну в костюме дикарей.

Я сдержал слово и, несмотря на усталость, отправился за бывшим пленником, как обещал, к трем часам. Выкуп за него состоял из следующих предметов: большой

американский топор, 6 сажен красной бумажной материи, 3 больших ножа, 12 больших кусков железа, половина кокосовой скорлупы бисера, 2 ящика спичек...»

Вернувшись на шхуну, Маклай принялся расспрашивать Ахмата о виденном и пережитом. Ахмат рассказал, что туземцы покупают себе двух, а то и пятерых жен; что начальники у них есть, но власть их зависит скорее от личного их характера, чем от титула и положения; что людоедство здесь случается нередко; что сам он, впрочем, не может особенно жаловаться на туземцев: с ним туземцы обращались хорошо. Вот только в жены ему своих девушек не отдавали.

«Сэдди Ф. Келлер» простояла возле острова Андра дней десять; шкипер, нагрузив шхуну лучшим сортом трепанга, собирался в путь. Он готов был исполнить принятое на себя обязательство и отвезти путешественника в залив «Астролябии».

Но его коммерческая деятельность прилась не по нраву Маклаю. Наглядевшись, как в обмен на трепанг и перламутр капитан Веббер и его сподручные сбывают туземцам всякий хлам, Миклухо-Маклай решил, что лучше сам не поедет в бухту «Астролябии», чем привезет с собою подобных гостей. Скрепя сердце ученый освободил шкипера от его обязательства.

Объездив острова Ново-Гебридские, Адмиралтейства, острова Банка, Агомес и Соломоновы, шхуна в январе 1880 года бросила якорь у острова Базилаки. Тут путешественнику стало известно, что на соседний островок Тесте в скором времени должен прибыть миссионерский пароход, совершающий инспекторскую поездку вдоль южного берега Новой Гвинеи. Маклай решил оставить шхуну и перебраться на пароход. На южном берегу Новой Гвинеи он никогда не бывал; кроме того, ему хотелось решить вопрос: действительно ли, как утверждают миссионеры, там живет какое-то особое желтое племя, отличное от других темнокожих племен?

Пароход отправился в Ануапату — порт Морсби, делая стоянки у прибрежных деревень. Остановки были наруку Маклаю: он повсюду продолжал свои наблюдения. В деревне Бар-Бара он заметил у женщин странную деформацию головы: у многих поперек черепа шла узкая вдавленная линия. Маклай скоро понял, почему образуется такая вдавленность: ее вызывает веревка, которой девочки с ранних лет обвязывают себе головы; на веревке висит мешок, а в мешке они носят тяжести.

Во всех деревнях Миклухо-Маклай рассматривал и срисовывал узоры татуировок, которыми были изукрашены туземные женщины. Он нашел, что определенный орнамент характерен для туземцев определенной местности; узор передается по наследству, из поколения в поколение, и, таким образом, может иногда подсказать этнографу, откуда переселилось то или другое племя.

Татуировка сильно интересовала его. «Так как некоторые женщины, лет двадцати пяти, татуированы с головы до колен,— заносит он в дневник в деревне Карапуни,— я стал сомневаться, чтобы операция эта могла быть сопряжена со значительной болью».

Путешественник решил проверить свою догадку. Он предоставил в распоряжение женщин левое плечо. Они уложили его на циновку; одна обмакнула палочку в воду с углем и нарисовала на коже Маклая выбранный им узор, другая, вооружившись острым шипом и молоточком, стала быстро вонзать шип в кожу, ударяя по нему молоточком. Шип проникал «миллиметра на два вглубь», сообщает, любящий точность, Маклай.

«Скоро весь черный рисунок сделался красноватым от выступавшей при каждом уколе крови... Заплатив операторам и их помощникам, я вернулся домой, убедившись, что операция сопряжена со сравнительно незначительной болью».

Через два с половиною месяца пароход прибыл в Ануапату.

Миклухо-Маклай принялся за розыски «желтых людей». Однако слухи о существовании особого желтого племени не подтвердились. Маклай установил только, что жители многих деревень южного берега Новой Гвинеи имеют небольшую примесь полинезийской крови.

Из Ануапаты путешественник выехал в апреле 1880 года. Но не надолго: в августе 1881 года ему довелось вторично посетить южный берег Новой Гвинеи по совершенно особому поводу.

Он съездил в Австралию; совершил экскурсию в глубь страны в поисках племени «безволосых людей», о которых ему сообщали (действительно, на реке Баллоне он нашел безволосых туземцев, но не племя, а одну только семью), и, исполняя свою давнишнюю мечту, организовал в Сиднее зоологическую станцию для изучения морской фауны. Однако беспокойство за судьбы людей снова оторвало его от занятий по изучению животных.

О вторичной поездке на южный берег Новой Гвинеи он рассказывал так:

«В деревне Кало были умерщвлены папуасами четверо миссионеров... Узнав об этом, коммодор английской морской станции Вильсон счел необходимым строго наказать жителей деревни Кало и для этого лично отправиться на место преступления. Так как я... был знаком с местными условиями, то старался убедить коммодора Вильсона, что убийство, вероятно, было делом немногих и что несправедливо было бы из-за немногих, действительно виновных, наказывать всех жителей деревни, в которой насчитывалось около двух тысяч человек. Коммодор, соглашаясь в принципе с моими доводами, находил, однако, весьма затруднительным обнаружить действительно виновных и полагал, что для примера и назидания туземцам и поддержания значения английского флота ничего не остается, как сжечь всю деревню. Но так как я продолжал настаивать на своем и уверял, что найти виновных вполне возможно, то Вильсон предложил мне отправиться с ним.

План мой вполне удался: вместо сожжения деревни и поголовного истребления жителей все ограничилось несколькими убитыми в стычке, в которой пал главный виновник убийства... начальник деревни, Квайпо...»

Осуществив свое благородное заступничество, Миклухо-Маклай вернулся в Сидней и опять принялся за работу на морской зоологической станции.

XII

В 1882 году в жизни Миклухо-Маклая совершилось большое событие. В феврале в Мельбурн прибыла русская эскадра. Давно уже путешественник мечтал побывать на родине, где не был целых двенадцать лет. В середине февраля на борту клипера «Вестник» он покинул Мельбурн. Достигнув Сингапура, он перебрался на крейсер «Азия», так как «Вестник» направлялся в Японию. Летом 1882 года «Азия» прибыла через Суэцкий канал в Александрию и тут, на Александрийском рейде, вынуждена была задержаться гораздо дольше, чем рассчитывали капитан и пассажиры.

В мае 1882 года в египетские воды прибыла соединенная англо-французская эскадра. Англичане давно уже накинули петлю на Египет, скупив акции Суэцкого канала и запустив египетского хедива то близостью финансового краха,

то интервенцией. В восьмидесятых годах в стране началось могучее народное движение против иностранцев и против хедива, предавшего интересы страны. Народный вождь Араби-паша стал во главе египетской армии и нового национального министерства. Страна подняла голову, египтяне сами, без английских держателей акций, начали вершить свои дела. Разумеется, англичане, издавна равнодушные к богатствам цветущей долины Нила, не пожелали этого снести. В мае в египетских водах появилась союзная англо-французская эскадра, а 19 июня, придравшись к тому, что египтяне под дулами неприятельских пушек начали спешно укреплять александрийские форты, лорд Гренвиль отдал адмиралу Сеймуру приказ о бомбардировке. Десять часов англичане бомбардировали несчастный город. День и ночь пламя пожаров колебалось в заливе: Александрия горела. Так началась оккупация Египта.

В июле 1882 года русский крейсер «Азия», держащий путь в Италию, еще находился у берегов Александрии. Прибыл ли он туда до или после того дня, когда заговорили английские пушки? Как бы там ни было, Миклухо-Маклай снова оказался свидетелем захватнической политики «переводных», «цивилизованных» стран...

Наконец, крейсер получил разрешение покинуть тревожные воды. Добравшись до Генуи, Миклухо-Маклай пересел на броненосец «Петр Великий», и во второй половине сентября прибыл в Кронштадтский порт.

За каждым шагом знаменитого исследователя следила русская и иностранная пресса. Французский историк Моно напечатал о Миклухо-Маклае большую восторженную статью. Преклоняясь перед благородством и мужеством русского путешественника, перед гуманистическим смыслом его научных работ, он назвал его «одним из самых лучших людей, появлявшихся когда-либо на нашей планете...» В России Миклухо-Маклай получил письмо от Льва Толстого.

«... умиляет и приводит в восхищение в Вашей деятельности то, — написал Толстой Маклаю, — что, насколько мне известно, Вы первый несомненным опытом доказали, что человек везде человек, то-есть доброе общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой, и Вы доказали это подвигами истинного мужества...»

Толстой склонен был трактовать научный и общественный подвиг Миклухо-Маклая, как подтверждение своей

религиозной теории «непротивления злу насилием», придавая тем самым деятельности путешественника вовсе не свойственные ей черты; но, как бы там ни было, великий русский писатель одним из первых приветствовал в Маклае друга и защитника порабожденных народов.

В конце октября все русские газеты напечатали сообщение о том, что в ближайшие дни в Петербурге, в зале Географического, а затем Технического общества, выступит с докладами о своих путешествиях Миклухо-Маклай.

Наступило 29 сентября 1882 года — день первого появления Миклухо-Маклая перед русской публикой. Зал Географического общества был переполнен. Люди стояли в проходах, стояли в смежной комнате.

«Ровно в 8 часов вечера, — сообщает «Петербургский листок», — вице-председатель общества П. П. Семенов ввел под руку нашего путешественника. При его появлении раздался оглушительный и долго не смолкавший гром аплодисментов. За стол президиума быстро вошел уже украшенный сединой Н. Н. Миклухо-Маклай.

«Милостивые государыни и милостивые государи! Через восемь дней исполнится 12 лет, как в этой же зале я сообщил господам членам Географического общества программу предполагаемых исследований на островах Тихого океана. Теперь, вернувшись, я могу сказать, что исполнил обещание, данное мною Географическому обществу: сделать все, что будет в моих силах, чтобы предприятие не осталось без пользы для науки».

Так начал свой доклад Миклухо-Маклай — доклад-отчет, доклад-рапорт ученого высшему географическому учреждению России. То, что первое же свое слово на родине, Миклухо-Маклай обратил к Географическому обществу, было совершенно естественно. С Русским Географическим обществом Николай Николаевич не терял связи все долгие годы своих странствий; ему он посылал описания своих наблюдений, его торопился поставить в известность о каждом своем новом открытии; к нему — в лице Бэра, Семенова, Литке — постоянно обращался за советом и помощью... И Географическое общество платило своему знаменитому сочлену постоянной заботой. Руководители общества, Семенов и Литке, умели выхлопотать молодому ученому право пользоваться для своих экспедиций судами русского флота; добились посылки на помощь Маклаю судна, когда, до них дошли слухи, что ученый в опасности; и, системати-

чески, через прессу, оповещали русскую публику о ходе его экспедиций. В те времена Русское Географическое общество имело в своем распоряжении весьма скромные средства, которые складывались, главным образом, из частных пожертвований и членских взносов, однако оно умело мобилизовать общественное внимание вокруг великого дела, совершаемого Маклаем, и много раз снабжало его дополнительными средствами на продолжение путешествий. Во главе Русского Географического общества стоял в ту пору «великий старец» — Петр Петрович Семенов — и он был первым из крупных русских ученых, который угадал дарования Маклая.

В глубокой тишине слушали собравшиеся рассказ Николая Николаевича. Имена людей Бонгу, Горенду, Гумбу, имена деревьесв, рек и гор неведомой, далекой страны, повесть об опасностях и лишениях, которым подвергался путешественник, и о его научных победах зазвучали в тишине петербургского огромного зала. На следующий день все газеты напечатали подробные отчеты о лекциях Миклухо-Маклая. Корреспонденты единодушно отметили глубокое внимание к тихой, лишенной всяческих внешних эффектов, содержательной и скромной речи этого бледного, усталого человека.

«Каждый, слушавший его, понимал, — писал один журналист, — что он говорит только правду, что он рассказывает только то, что сам видел, ничего не передавая с чужих слов и постоянно проверяя на месте известное ему чужое наблюдение».

Миклухо-Маклай получил несколько приветственных адресов от студенчества и от научных обществ России. Когда он приехал в Москву и снова выступил со своими докладами, Общество любителей естествознания присудило ему за работы по этнографии и антропологии золотую медаль.

Царь Александр III обещал издать рукописи Миклухо-Маклая на собственный счет, но так и не исполнил своего обещания. Труды Миклухо-Маклая были напечатаны впервые только после Великой Октябрьской революции.

Однако далеко не все радовались успехам отважного ученого. Не всем была по душе его защита темнокожих. В кулуарах скептики и недоброжелатели пожимали плечами:

— Помилуйте, да что он сделал? Привез какие-то рисуночки, глиняные горшки. Что тут такого? Недоучившийся студент, разыгрывающий благодетеля рода человеческого.

Да он и у дикарей почти не жил — сидел все больше в Сиднее. Да и что интересного в этих дикарях?

«Несмотря на то, что наблюдения ученого-путешественника касаются туземцев Новой Гвинеи, Малайского архипелага и Австралии, в общем расовом вопросе они могут иметь поучительное значение и для нас», — писал один проницательный журналист.

Поэтому-то и насторожились чиновничьи, реакционные круги царской России. Папуасы были далеко, но забытые чуваша, мордва, вогулы — близко, под боком.

Сначала это была только настороженность, это был только шопот о сомнительности научных заслуг, позже шопот окреп и обратился в громогласную клевету.

В конце 1882 года ученый покинул Россию, чтобы продолжать свои исследования. Случай помог ему еще раз побывать на Берегу Маклая. Когда пароход доставил его в Батавию, оказалось, что на рейде стоит и грузится углем русский корвет «Скобелев». Командир корвета, контр-адмирал Копытов, согласился доставить путешественника на Новую Гвинею, хотя ему это и было не совсем по пути.

Миклухо-Маклай перебрался на корабль. По дороге, на одном из Молуккских островов, в Амбоине, он приобрел в подарок своим друзьям коз и двух зебу: бычка и телушку.

17 марта 1883 года Миклухо-Маклай в последний раз высадился на своем берегу.

XIII

«Третье пребывание» путешественника на берегу бухты «Астролябии», подробно запечатленное им в дневнике, было непродолжительным.

«18 марта адмирал, несколько офицеров и я съехали на берег около деревни Бонгу. Сопровождаемые туземцами, которые, перебивая один другого, расспрашивали меня, где я буду жить, когда начать строить мне хижину и т. п., мы обошли деревню. Она показалась мне на этот раз как-то меньше и запущеннее, чем в 1876—1877 годах. Припомнив расположение деревни, я скоро обнаружил, что целые две площадки с окружающими их хижинами обратились в пустырь. Площадки заросли травой, а на развалинах хижин рос кустарник. В ответ на мои вопросы мне объяснили, что из туземцев, живших в этих хижинах, одни перемерли, а другие выселились.

Мой старый приятель, Саул, рассказал мне длинную историю о «тамо инглис», затем о приходе в Гарагаси «абадам Маклай» (брата Маклая), как они, вероятно, называли г. Ромильи».

«После моего отъезда, — рассказывал впоследствии Миклухо-Маклай, — пришла из Мельбурна на Берег Маклая английская шхуна с золотоискателями, которые полагали, что я скрыл наличие там золота... Они нашли мою хижину в том виде, как я ее оставил; дверь и замок были целы, плантация возле дома содержалась так хорошо, что имела вид сада. Когда мистер П., участник экспедиции, коснулся замка, полдюжины рук схватили его; папуасы объяснили ему знаками, что все здесь принадлежит Маклаю и ему нечего тут искать. Демонстрация эта была настолько внушительна, что белые поспешили убраться».

«Г. Ромильи, — сообщал Миклухо-Маклай далее, — имел случай видетъся со мною в Сиднее, и я передал ему те знаки и слова, по которым он мог быть узнан туземцами, как друг Маклая. Из рассказа вернувшегося г. Ромильи я убедился, что все, даже мельчайшие подробности моих советов, были исполнены папуасами. Так, в течение многих часов, пока он не сделал известных знаков, ни один человек не осмеливался подойти в своей пироге к шхуне, но как только он сделал знаки и сказал условные слова, которым я его научил, — все изменилось. Десятки пирог подплыли к шхуне, и все начали кричать, произнося постоянно мое имя: «Маклай». Тогда г. Ромильи представился им как «брат Маклая». После этого он был отведен к моему дому и вообще встречен туземцами в высшей степени дружелюбно».

Есть основания полагать, что напрасно Миклухо-Маклай оказался более доверчивым, чем его папуасские друзья: по видимому, Ромильи был агентом, которого англичане нарочно подослали к Маклаю в надежде разузнать побольше о богатствах Новой Гвинеи.

В третий свой приезд на берег залива «Астролябии» Миклухо-Маклай продолжал великое дело просвещения папуасов. Уже прежде он научил их пользоваться железными орудиями, выращивать тыкву, арбуз, кукурузу. Теперь он попытался научить их культивировать новые, невиданные ими до той поры растения, разводить домашних животных.

«Я приказал сопровождавшим меня туземцам расчистить то место, где в 1878 году у меня росла кукуруза и где, как

мне показалось, кустарник был не так част. Я велел выдергивать с корнями небольшие деревца, что при большом числе рабочих рук оказалось вовсе нетрудно. Расчищенное место на пространстве нескольких квадратных сажен было вскопано матросами, взявшими с собою железные лопаты.

Я послал туземцев за водой, а сам с помощью своего слуги амбоинца Яна и матросов стал рассаживать молодые растения и семена, которые я привез из Амбоины. Принесенная в бамбуках вода послужила для поливки вновь посаженных растений. Не посадил я только семян кофе, отдав их Саулу и некоторым другим туземцам с тем, чтобы они передали их жителям горных деревень: для кофейного дерева горный климат подходит больше, нежели климат Берега Маклая.

Несколько мальчиков, перегоняя друг друга и запыхавшись, прибежали с известием, что «тамо русс» (русские люди) с «буль боро русс» (большая свинья) приближаются в «кабум ани боро» (в шляпке очень большой). Все бросились бежать; я тоже последовал за толпой.

Действительно, большой баркас шел недалеко от берега. Так как из-за отлогости берега большому баркасу нельзя было подойти к нему, офицер скомандовал нескольким матросам, чтобы они, засучив панталоны, соскочили в воду.

Жители Бонгу, Горенду и Гумбу, молча, большой толпой стояли вдоль берега, следя за каждым движением моряков. Двое матросов держали концы веревок, привязанных к рогам бычка. Бычок выскочил из накренившегося на один бок баркаса и, очутившись в воде, направился сперва вплавь, а затем бегом к берегу, так что матросам было нелегко удерживать его. Бычок бежал вдоль берега и тянул за собой бегущих матросов. Было крайне смешно наблюдать, как около сотни туземцев при виде нового для них животного, которое представлялось им громадным — больше дикого кабана — рассыпались во все стороны; одни полезли на деревья, другие бросились в море.

За бычком последовала корова, оказавшаяся гораздо смиреннее его. За нею появился козел в сопровождении коз. Матросы вели их за веревки, привязанные к рогам. Вся эта процессия направилась в деревню, куда поспешил и я, чтобы распорядиться и приказать туземцам помочь матросам.

В деревне была сооружена изгородь, метров пятнадцать в квадрате, для бычка и коровы. С некоторым затруднением матросы заставили их перепрыгнуть через высокий порог

изгороди. Калитка была сейчас же заколочена, так как я полагал, что пройдет некоторое время, пока животные привыкнут к своему новому положению.

Матросы с баркаса, пришедшие посмотреть на деревню, наломали в лесу молодых ветвей и бросили их за изгородь. Повидимому, угощение пришлось по вкусу корове, которая тотчас же принялась жевать ветки. Бычок же был очень неспокоен; он ходил вдоль изгороди, нюхая воздух, как бы ища выхода. Только присутствие матросов, которые ухаживали за животными во время переезда из Амбоины, успокаивало его. Наконец, рога были освобождены от веревок, и животные, кажется, почувствовали себя спокойнее».

Научить туземцев ухаживать за животными Маклаю не удалось: и бычок и телушка сломали изгородь и убежали. Зато растения привились и впоследствии принесли быстрые всходы. «Туземцы с восторгом ждали семян и следили с большим интересом за развитием новых растений», — повествует Миклухо-Маклай. — «Толпы туземцев из отдаленных горных селений посещали меня, чтобы получить семена».

Приехав в третий раз в бухту «Астролябии», Маклай привез в подарок папуасам семена лимонного, кофейного и апельсинного дерева. Он раздарил их туземцам Бонгу, Богати и Били-Били, подробно объяснив, как выхаживать их. Маклай посоветовал туземцам выращивать кофейные деревья в высокогорных местностях, а не на побережье, в низинах. И советы Маклая оправдали себя. Вместе с дыней, которую он разводил в свой первый приезд, вместе с кукурузой и арбузом, которые стали любимыми лакомствами туземцев, принялись в бухте «Астролябии» и апельсины, и лимоны, и кофе.

Туземцы никогда не забывали постоянных, неизменных забот о них Миклухо-Маклая: ни посаженных деревьев, ни подаренных топоров, ни лекарств, ни вкусного кокосового масла, которое он научил их добывать из орехов.

Память о русском путешественнике многие десятилетия продолжала жить на берегу залива «Астролябии» вместе с ростками посаженных им деревьев, вместе с курчавой темнокожей девочкой, которой он дал русское имя Мария; и долго еще стальной топор именовался там «топор Маклай» и арбуз — «арбуз Маклай». Уже в начале нашего столетия на островке Били-Били этнографы записали легенду, сложенную папуасами о Маклае:

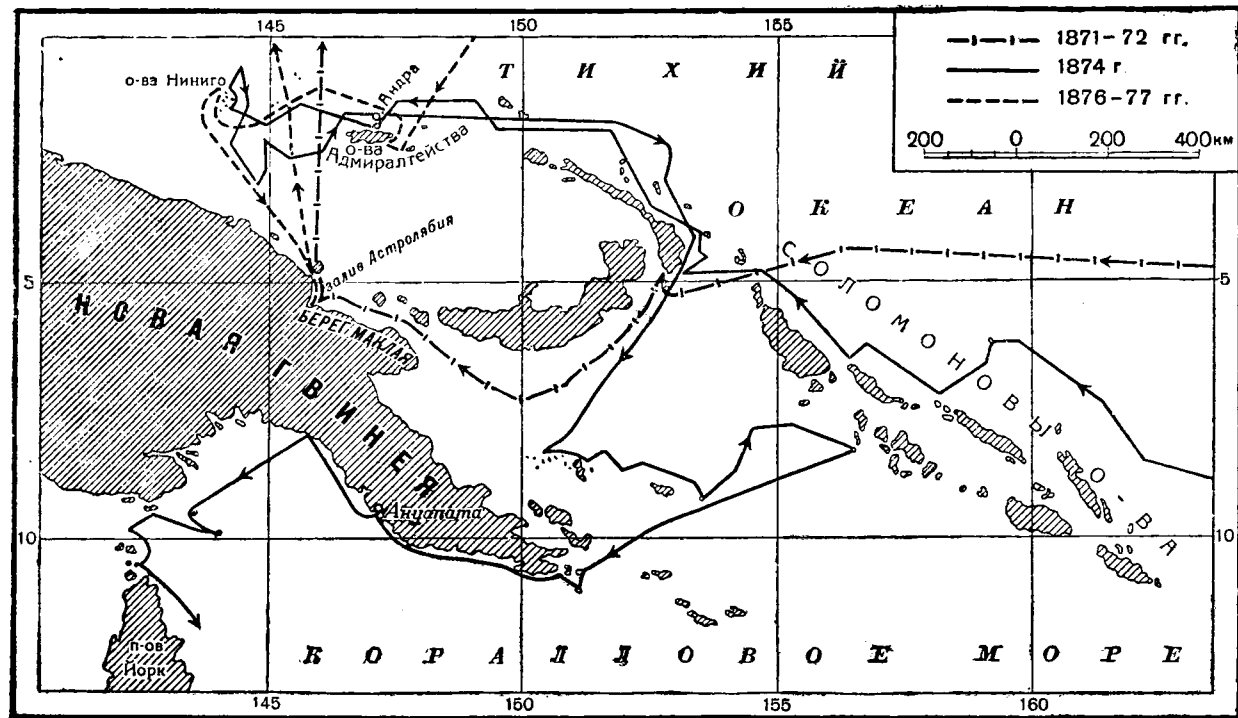
«Пришел Маклай и сказал нашим предкам: каменные топоры не острые, они тупые. Бросьте их в лес, они не годятся, тупые. Маклай дал им железные ножи и железные топоры...»

Долго жил у них на острове и у них в языке и «арбуз Маклай», и «банан Маклай», и «тыква Маклай», и «дыня Маклай».

Туземцам бухты «Астролябии» было непонятно, зачем Миклухо-Маклай собирает черепа и волосы, зачем измеряет горы, но благородство Маклая оказалось совершенно доступным их пониманию. Они вполне оценили качества этого необыкновенного человека, ответив на добро добром и на заботу заботой, — и в этом, может быть, самое сильное научное опровержение лженауки расистов — самое сильное из всех, добытых Миклухо-Маклаем. В самом деле, можно ли считать в нравственном отношении неполноценным народ, который с такой щедростью отозвался на душевную щедрость. Французский ученый Летуэнно писал об эскимосах: «они положительно не понимают, что такое сдержать слово... Чувство благодарности им тоже совершенно чуждо». Но после наблюдений Миклухо-Маклая над одним из первобытных народов, эти слова об эскимосах звучат, как неумная и злая ложь. Когда у путешественника заболели ноги, туземцы смастерили носилки и, чередуясь, носили его, чтобы ему не было больно ступать; о правдивости Маклая они создали поговорку: «слово Маклая одно»; когда он уезжал, они годами берегли его вещи, потому что это были его вещи. И это не было преклонение перед материальным могуществом белого человека, перед его лампой, ружьем и спичками. Ведь Ульсон, прежний слуга Маклая, тоже умел стрелять из ружья и зажигать спички, но Ульсон был ничтожество и трус, и папуасы не ставили его ни во что. Любовь к Маклаю вызывалась не преклонением перед силой неведомых предметов, а преклонением перед силой и красотой человеческой личности.

23 марта утром «Скобелев» снялся с якоря. Накануне путешественник записал у себя в дневнике:

«Встав до рассвета, я отправился на мостик и сделал эскиз гор Мана-боро-боро и архипелага Довольных людей. Сильный противный ветер помешал нам сняться, и я отправился на небольшой островок, по имени Мегаспена, покрытый растительностью и во многих местах удобный для причаливания шлюпок. Оттуда я переехал на остров

Карта маршрутов Миклухо-Маклая на Новую Гвинею.

Сегу, отыскал Каина и через него спросил туземцев, которые считают остров Мегаспена своим, согласны ли они дать мне этот остров для того, чтобы построить там дом в случае моего возвращения. Все не только согласилось, но были очень довольны, услышав, что я поселюсь недалеко от них.

Но поселиться недалеко от них Маклаю уже не пришлось.

XIV

Наступил последний период жизни великого путешественника. Ревматизм и малярия, тяжелые следствия его самоотверженного труда в тропических странах, мучили его все сильнее и сильнее.

Он больше не ездил ни на острова Адмиралтейства, ни на Малакку, ни на Новую Гвинею. Был ли он уже не в силах много и напряженно двигаться или чувствовал, что жить ему осталось недолго и торопился упрочить сделанное? Как бы то ни было, в последние годы жизни он стремился обработать добытый материал, а не добывать новый.

Миклухо-Маклай больше не путешествует.

Он женился, живет в Сиднее и деятельно приводит в порядок коллекции, дневники, записки, рисунки.

В 1884 году Германия оккупировала северо-восточную часть Новой Гвинеи. Берег Маклая, на котором каждый клочок земли был возделан туземцами и вдоль и поперек исхожен и изучен неутомимым русским путешественником, стал добычей германского империализма. Немцы назвали захваченную землю «Землей императора Вильгельма».

«Туземцы Берега Маклая протестуют против присоединения к Германии», телеграфировал Миклухо-Маклай Бисмарку от имени своих подзащитных.

В 1886 году ученый вновь отправился в Россию. Ему хотелось сдвинуть с мертвой точки печатание своих научных трудов и сделать последнюю попытку облегчить судьбу папуасов.

Приехав в Петербург, он начал пропагандировать идею создания на одном из островов Тихого океана русской колонии. Это не должна была быть колония в обычном смысле слова — золотое дно для торгашей и промышленников, отнимающих у туземцев землю, живающихся на их подневольном труде под защитой пушек и ружей; нет, колонисты, по мысли Маклая, должны были селиться только на

свободных, не занятых туземцами землях и жить плодами труда рук своих. С этим проектом Миклухо-Маклай обратился к царю, к министрам и непосредственно, через газеты, «ко всем желающим».

Желающие откликнулись сотнями писем, но царь колонию запретил. Очередное обращение Миклухо-Маклая к «власть имущим» — на этот раз к правительству царской России — окончилось тем же, чем кончились его предыдущие обращения — к «высокому комиссару» английских владений или к губернатору Нидерландской Индии — ничем. Колониальные английские и голландские власти и правительство царской России, естественно, не могли выступать в той роли, какую предлагал им Маклай — в роли защитников поработенных народов.

Современники Маклая прекрасно улавливали общественный смысл его научного опыта, революционную струю, звучащую во всей его деятельности. Недаром крестьянин Новгородской губернии, отвечая на призыв Маклая принять участие в организации колонии, написал ему письмо «об аде на земле», созданном богатыми для бедных; недаром царь Александр III «начертал» на проекте Маклая: «отказать», а черносотенное «Новое время» глумилось над его научными трудами.

Эта революционная струя в научной проповеди Миклухо-Маклая брала свое начало из передовых демократических идей шестидесятых годов. Миклухо-Маклай учился в петербургском университете в пору революционного подъема, крестьянских волнений, подпольных кружков разночинной интеллигенции, в пору несокрушимой веры в могущество естественных наук, поэзии Некрасова и Шевченко, страстной проповеди Добролюбова и Чернышевского в «Современнике», Герцена — в «Колоколе». И в какой бы дали от России ни оказывался Миклухо-Маклай, он всюду приносил с собой воздух родной страны, воздух того времени, когда он ее оставил.

Есть основания предполагать, что из гимназии Миклухо-Маклай был исключен за непочтительное отношение к начальству, что в университете он принимал участие в бурных студенческих сходах и к его исключению была причастна полиция: он просидел три дня в Петропавловской крепости.

Но дело вовсе не в этом. Все эти факты еще не дают нам права считать Миклухо-Маклая революционером шестидесятых годов. Кто тогда не участвовал в студенческих

сходках, кто не был повинен в непочтительном отношении к начальству?!

Связь Миклухо-Маклая с передовыми идеями шестидесятых годов гораздо менее заметна, но гораздо более глубока и прочна. Она лежит не на поверхности, а в самой основе того общественного и научного дела, которому он отдал жизнь.

«В числе предубеждений... — писал вождь революционной демократии шестидесятых годов Чернышевский, — очень заметное место занимает предрассудок, будто особенные племенные свойства, происходящие от особенностей самого организма, играют сильную роль в судьбе народов: будто один народ по самой своей прирожденной натуре, по своей расе неспособен к тому, к чему способен другой, также по своей расе».

И далее:

«Быть может, раса народа имела некоторое влияние на то, что известный народ находится ныне в таком или другом состоянии... но... в образовании нынешнего положения каждого народа такая громадная часть принадлежит действию обстоятельств, не зависящих от природных племенных качеств, что сами эти особенные, различные от общей человеческой природы, качества, если и существуют, то для их действия осталось очень мало места — неизмеримо, микроскопически мало места».

«Не клеветите!» — таким восклицанием кончается этот отрывок.

Как относился Миклухо-Маклай к Чернышевскому? Знал ли что-нибудь Чернышевский о Миклухо-Маклае? Вопрос этот изучен недостаточно, но в опубликованных дневниках Маклая нет ни единой строки, которая не соответствовала бы духу и смыслу статей Чернышевского о первобытных народах.

Когда читаешь проект создания русской колонии на Тихом океане, выдвинутый Маклаем для защиты папуасов, тоже невольно приходит на ум Чернышевский.

«Колония составляет общину и управляется старшиною, советом и общим собранием поселенцев, — писал Миклухо-Маклай. — Ежегодно вся чистая прибыль от обработки земли будет делиться между всеми участниками предприятия соразмерно их положению и труду».

Не о таких ли трудовых общинах мечтала Вера Павловна — знаменитая героиня романа Чернышевского «Что

делать?». И когда читаешь в дневнике у Маклая, как он лечил и учил папуасов, не вспоминается ли невольно русское юношество, которое в ту же пору, оставляя университеты и гостинные, устремилось в русские деревни лечить и учить народ?

* *
*

Миклухо-Маклай быстро старел. Силы его падали. Конечно, не насмешкам продажных писак было смущать его. При всей своей скромности, значительность опыта, только что проделанного им, была вполне ясна ему, и он относился к злобным нападкам и клевете с тем же величавым спокойствием, с каким бывало встречал копыя, летящие ему в лицо. Но крушение мечты о справедливой трудовой колонии на далеком тихоокеанском острове — вот что, в конце концов, лишило его последних сил. Миклухо-Маклай не только старел, он, по выражению одного современника, «дряхлел». Трудно было поверить, что ему не 60, а всего только 40 лет.

«Он сильно похудел, характерное лицо его покрылось морщинами..., — пишет корреспондент одной благосклонной к Маклау газеты. — Только тогда, когда он начинает говорить о своем берегу и его обитателях, голос его крепнет и глаза, уныло перебегающие с предмета на предмет, внезапно оживают».

В 1886 году ученый преподнес в дар Академии наук свои коллекции. В 1887 году он съездил в Сидней. Он торопился привезти на родину жену, детей и все бумаги. Обосновавшись в Петербурге, на Галерной улице, он принялся обрабатывать свои записи. Отек легких душил его, ревматизм и невралгия вызывали острую боль, но напряжением воли он пытался одолеть болезнь, как одолевал когда-то лихорадку, путешествуя по Новой Гвинее и Малакке. Он диктовал, диктовал по семь, по восемь часов в день. Невозможно было оставить черновики неразобранными. Обдумать и продиктовать все до конца, до последнего листочка, — вот она теперь, та вершина, которую во что бы то ни стало нужно взять. Ведь лазил же он больным на горы, переходил по грудь в воде болота и реки.

Но на этот раз болезнь одолела его.

15 апреля 1888 года в газетах появилось объявление:

«Вчера в клинике Виллие, в Санкт-Петербурге, в 8 часов 30 минут вечера, скончался на 42-м году жизни после

продолжительной и тяжелой болезни Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Смерть застала Николая Николаевича тогда, когда он обрабатывал второй том записок о своих путешествиях».

— В лице Николая Николаевича, — произнес на могиле один из его ученых коллег, — мы хороним человека, который прославил наше отечество в самых отдаленных уголках мира.

* * *

*

Миклухо-Маклай жил недолго, и жизнь его была полна непосильного труда и лишений; он жестоко страдал от болезней, от недостаточности материальных средств и более всего — от косности и корысти людей. «Большинство не хочет знать правды», — с горечью писал он. И тем не менее, его можно назвать человеком счастливым. Много раз в его дневнике встречается слово «счастье». Он был счастлив красотой леса, внезапно освещенного молнией, добрым, мягким выражением лица того человека, которого сегодня встретил в лесу, счастлив находкой, подтверждающей его любимую научную мысль, и правотой своего дела.

«...под безыскусственностью рассказа, — пишет один из посетителей лекций Миклухо-Маклая, — слышалось глубокое сознание совершенного подвига, глубокое сознание того, что рано или поздно этот подвиг должен быть оценен по заслугам».

Редактор *С. В. Узин*
Технич. редактор *С. М. Кошелева*
Обложка художника *А. И. Котылева*

Сдано в пр-во 12 X-1948 г. А-10733. Подпи-
сано к печати 4/XI-1948 г. Формат $84 \times 10^{3/32}$.
Тираж 10000. Печатных л. $4^{1/2}$. Уч.-изд. л. 3,75.
Цена 1 р 15 к. Заказ 1777.

6-я типография т-ва «Полиграфкнига» ОГИЗа
при Совете Министров СССР.
Москва, 1-й Самотечный, 17.

Цена 1 р. 15 к.

